

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Артем КОЧЕРОВСКИЙ

Варшик — это фильм о том, как человек может выжить в мире, где технологии и магия переплелись. Это история о том, как один человек может изменить мир к лучшему.

ВАРШИК

Варшик идёт своей дорогой

Артем Кочеровский
Варщик
Серия «Современный
фантастический боевик (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67633025

Варщик: Издательство АСТ; Москва;

ISBN 978-5-17-146087-7

Аннотация

Он сбежал от смерти в другой мир, где получил уникальную способность к алхимии. Он искусно работал и заслужил место в братстве. Таких, как он, называют варщиками и отводят им роль лабораторных затворников... но он не собирается быть таким. Варщик идёт своей дорогой. И чем больше препятствий встречает на своём пути, тем чётче осознаёт безграничность своих способностей...

Содержание

Артем Кочеровский	4
Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	50
Глава 5	68
Глава 6	86
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Артем Кочеровский

Варщик

© Артем Кочеровский, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Глава 1

Сайлок

Сознание, дух, внутреннее естество или энергия... чем бы оно ни было, оно выплыло из водоворота бездны и закрепилось в новой обители. Миг назад я был никем и нигде, а сейчас снова ощущал себя кем-то.

Плечи, колени, живот, подушечки пальцев... Связь восстанавливалась. Ещё немного – и я смогу управлять ими. Показалась полоска света, включились уши...

– Никчёмный мусор! Тебе всего-то и нужно было – продержаться один раунд!

Шумное и душное место. Пытаюсь открыть глаза, но ничего не выходит, хотя слух полностью вернулся. Рёв слышу отчётливо. Он напрягает. Мало кто хотел бы очнуться под звериный ор незнакомца, но лучше проснуться, чем не проснуться вовсе...

– Один раунд, мясо!! Всего один раунд!!

Откуда боль? Что с телом? Попалось бракованное или так ощущается погружение? Мысленно пробежался по телу от пяток до макушки, отметил больные места: колено, бедро, поясница, живот, шея, лицо. Особенно лицо! Я попал в аварию или меня перемололо в мясорубке? С лицом всё плохо. Вот почему я не могу открыть глаза. Сквозь распухшие веки

пробивается лишь тоненькая полоска света. Прилагаю усилия, и она становится чуть шире...

– Сгниешь в Аквариуме, крысеньш!

Это он на меня орёт? Пытаюсь собрать мысли в кучу. Что за существо надо мной склонилось?! Зрение вернулось не полностью, да и вряд ли вернётся быстро. Кто-то насадил фингалов и, вероятно, сломал нос. Не этот ли монстр?

Нет, я, конечно, многое повидал. В большинстве своём в интернете, не вживую. Напиши в гугле «самый толстый человек» и такого насмотришься – аппетит потеряешь. Обычно люди на картинках представлялись сидящими или полулежащими растёкшимися телами. Многие из них едва ходили и уж точно не могли прыгать...

Необъятный мужик с четырьмя подбородками и огромным животом, для которого потребовалась бы отдельная ванна, орал мне прямо в лицо. Багровый. По лбу и щекам скатывались капли пота. Уж не знаю, где он нашёл пиджак такого размера, но, если его расшить, а ткань отдать в ателье, мастер настроит костюмчиков на целый класс мальчишек.

Впрочем, удивляла не столько его полнота, сколько подвижность. Как при весе килограммов под четыреста он умудрялся подпрыгивать и оббегать меня с разных сторон?!

– Пиши на него весь долг! – крикнул кому-то пузан. – Десять тысяч!

– Но как же...

– Всё до последнего кредита!

С каждой секундой я осваивался всё больше. Это походило на пробуждение из глубокого сна. Открываешь глаза и только со временем вникаешь в происходящее. Толстяк скакал вокруг... По рингу? Да, кажется, это был ринг. Его крохотные по сравнению с телом ножки в лакированных туфлях нередко мелькали перед глазами. На ринг он обрушивался с грохотом, от которого тряслись верёвки и доски. Как бы он не проломил пол и не утащил меня вместе с собой. Ладно умереть после погружения, я и прежде не особо в него верил, но умереть, задохнувшись в складках этого толстяка...

– Дубль, послушай! – прилетел более спокойный голос откуда-то из-за ринга. – Мы не можем списывать долги на участников!

– Это не участник! Это – мусор! Отброс! Мясо!

Толстяк не слабо завёлся. Пухлая ладошка просвистела в воздухе и сотрясла меня от головы до пят. Я отъехал ближе к канатам и почти потерял сознание. Стоит ли говорить, что голова чудом не раскололась? Мне понадобилось десять секунд, чтобы вспомнить, кто я и где я. Хотя в настоящий момент эти понятия были слишком относительными... Кто я? Где я? Человек на ринге, которого избивает разжиревший мутант? Но кто тот человек, которого бьют, и где он?

От удара сильно разболелась голова, на время пропал слух. Вместо рёва из маленькой дырочки на фоне расплывшегося лица я услышал писк. Он был много приятнее. Я бы согласился слушать его по утрам, как слушал классику, лишь

бы не содрогаться от рёва этого монстра. Секундочку! Что у него под пиджаком?!

Это оно?! Да, чёрт побери, это оно!

Оно было не под пиджаком. Оно было внутри. Раньше я никогда не видел это, только чувствовал. Штука внутри толстяка походила на пламя свечи. Крошечная точка в его огромном теле колыхалась и трепетала. Вот что позволяло ему носить такое большое и тяжелое тело! Материя...

Вряд ли оно называлось именно так. *Материя*. Название придумал я сам. Позже я убедился, что оно плохо подходит под описание. Но слишком привык, чтобы менять. То, что я чувствовал внутри у некоторых людей или существ, скорее относилось к энергетике или душе. И всё же я представлял его иначе. Я видел это как чужеродную материю, которая меняет человека... Материя – это то, что я понимал, но не мог объяснить.

Дубль – кажется, так звали толстяка. Он ещё долго кричал и что-то говорил человеку за рингом. Частичка материи трепетала, будто свеча на ветру. По ней можно было понять, в каком состоянии находится человек. Дубль готов был взорваться. Что ж я ему такого сделал?

Пнув меня ногой, он выругался и покинул ринг. В голове не укладывалось. Четырёхсоткилограммовый монстр играючи перепрыгнул через канаты. Приземлился на бетонный пол, остановил качку раскачавшегося жира и пошёл к выходу. Вот она, сила материи...

Минут пять я провалился на полу. Удар Дубля, от которого мозги едва не разлетелись по черепной коробке, сошёл на нет. Тело пускай и болело, но я мог им управлять. Пошевелил пальцами, дёрнул ногой. Непривычно, но работало. Чувство, схожее с заморозкой от новокаина. Руки, ноги есть, но чувствительности в них не больше, чем в резиновой кукле. Спешить с подъёмом не стал. Кричащая угроза миновала, а следовательно, можно было чуток подумать. Ведь подумать было о чём.

Первое, что меня интересовало – что случилось с братом. Он не успел сказать слишком много, лишь обмолвился, что они придут за мной. Это ладно. На время я спрятался. А что случилось с ним? Жив ли он? Жив. Конечно же жив...

Не нужно быть гением, чтобы понять. Совершив погружение, я очутился в какой-то заднице. Ринг и Дубль, способный расплющить мою голову рукой. Он нес какую-то чушь про долг... Я не уверен, что у меня есть много времени, прежде чем они доберутся до брата, но сначала придётся решить насущные проблемы. Причем сделать это нужно по-тихому. Брат сказал, что они постараются достать меня здесь...

Оперевшись о стойку, я сел и осмотрелся. Старый боксёрский зал. Хотя больше он походил на переделанный подвал. С потолка свисают жёлтые лампочки, что держатся прямо на проводах. Вокруг ринга – сотня сидячих мест и пространство для стоящих зрителей. На покрытии – множественные следы крови. Судя по всему, моей. Я всё больше овладевал

телом. Подключился нос. Принёс запах пота и табака.

Итак, материя. Здесь я мог её видеть. Это наводило на мысли, что здешний мир подчиняется другим правилам, ну или по крайней мере он искажён. Если бы обычный человек узнал о существовании таких людей, как я, это бы его поразило. Примерно так же я представлял это новое место. С той лишь разницей, что с материей был знаком раньше, но по-другому.

Положив руки на канаты и вытянув ноги, я уселся поудобнее и расслабился. Мало-помалу я подходил к одному из главных вопросов. Я увидел материю Дубля. Смогу ли увидеть свою? Есть ли она во мне, или те чувства – не более чем плод фантазии? Закрыв глаза, я обратился к материи и рассмотрел её так же отчётливо, будто на экране лежащего передо мной планшета.

Комочек размером с ноготь мизинца жёлтого цвета. Он лежал в центре торса на высоте солнечного сплетения. Мои догадки подтвердились. Материя всегда содержалась внутри, но сейчас я мог её видеть. Присмотревшись, я увидел кое-что ещё. Я мог углубиться в неё. Заглянуть внутрь, будто в клетку под микроскопом.

Вот дерьмо! Как же странно это выглядело! Она разложилась на составляющие и стала похожа на карту. Карту чего? Карту меня?! Да. Материя состояла из связей, сгустков и скоплений. Обычный человек вряд ли рассмотрел бы в них что-то большее, чем колышущийся сгусток энергии, похо-

жий на пламя свечи, но я видел больше... Намного больше. Я видел всё. Читал связи и энергетические сгустки так же просто, как будто они были написаны чёрным по белому. Содержалось там что-то вроде характеристик или способностей материи, а значит и её владельца: *сила, ловкость, выносливость, восприятие, интеллект*. Связи основных характеристик образовывали значения для вторичных: *здоровье, сопротивляемость...*

– Вставай!

– А?! – Я открыл глаза и снова оказался в прокуренном подвале.

– Ты очень сильно меня разочаровал, Сайлок!

Это я, что ли? Сайлок?! Облокотившись на канаты, у ринга стоял мужик с кривым носом и затуманенными глазами. Потёртые джинсы, кеды. На рукаве спортивной куртки – дыра размером с кулак.

– Стаскивай с ринга свою задницу! – Сощурился глаза, мужик погладил затылок. – Быстрее! Пока я не заставил тебя драить здесь пол!

Поднялся я довольно легко. Ожидал худшего. Костлявые ручки впились в канаты. Ножки-худышки на удивление неплохо держали равновесие. Поднявшись, я обратил внимание, что последний канат достаёт мне до горла. Значит, невысокий ростом. Чуть худее, чем был, и такой же низкий. Жаль, конечно, что не смог похвастаться бицухой и стальным прессом, но хорошо хоть не погрузился в тело Дубля. С

такими габаритами без помощи не подняться. С другой стороны, такого толстяка не занесло бы на ринг.

Мужчина, на спине у которого было написано «тренер», пошёл по тёмному коридору. Я за ним. Мы прошли пятьдесят метров, свернули за угол и остановились у двери.

– Слышал, что Дубль сказал? – тренер больше не злился, говорил, глядя в пол.

– Про долг? – спросил я и удивился чужеродному голосу.

– Десять тысяч кредитов, – тренер пожал плечами. – Это конец, Сайлок...

* * *

За спиной захлопнулась тяжёлая железная дверь и щёлкнул замок. Я оказался в длинном помещении, напоминающем школьный спортзал. В первой части по обе стороны стояли кровати, как в лагере или армии. Вторая часть – площадка для тренировок с тренажёрами, спортивными снарядами и борцовским покрытием.

Куда меня занесло? Потрогав кожу на собственных руках, я пришёл к выводу, что нахожусь в молодом теле. Там, откуда я пришёл, мне исполнилось двадцать, но это тело показалось ещё младше.

На кроватях лежали пацаны. Подростки. Выглядели они, мягко говоря, плохо. Беспризорники, не иначе. Да и обстановка складывалась. Кажется, этого Сайлока и всех остальных

ных держали здесь взаперти. Рабство?

Нет, я, конечно, слышал про всё то дерьмо, что творится в мире. Мальчишки, которых заставляют драться на ринге – далеко не самое страшное. Но обычно такие новости приходят из стран третьего мира. Общество же, в которое я попал, выглядело цивилизованным. У Дубля на руке висели современные умные часы, у тренера виднелся наушник в ухе. Да и само помещение выглядело более или менее привычно.

Не стоило ждать, что кучка пацанов будет содержать в чистоте свои кровати и тумбочки, но тренировочная часть выглядела очень даже ничего. По крайней мере, издавляка я видел современные тренажёры, беговые дорожки, весы.

При моём появлении парни сели на кроватях. А один, узкоглазый, в кепке с прямым козырьком, подошёл и бесцеремонно схватил меня за нос.

– Эй!

– Крепко же тебе досталось! – Пацан едва не засунул пальцы в ноздри.

– Убери!

– Ладно-ладно. Ну что, жирдяй остался доволен?

– Ты кто?

– Я?! – пацан улыбнулся и посмотрел за спину. – Тебе что, кукушку до беспамятства отбили?! Ха! Это же я – Шустрик! Ты чего, Сайлок?!

Стены слегка плавали. Думается, я получил сотрясение. Не подумав, спросил у пацана, кто он такой. Ошибся. Нужно

меньше вызывать подозрений. Заделаться этим Сайлоком. Идея с пропажей памяти могла сработать. Тем более, я не собирался врубать заднюю до конца. Вольюсь. Узнаю достаточно, чтобы не выглядеть полным олухом, и скажу, что память вернулась. Вряд ли это сработает со взрослыми. С пациентами – возможно.

– Угу, – промычал я и схватился за голову.

– Ё-моё, Сайлок, приляжешь? – Шустрик показал пальцем на свободную кровать.

– Ага.

Лёг. Так меньше гудела голова. Можно было на время спрятаться в себе. Едва я коснулся подушки, закрыл глаза и скользнул внутрь. Всё, что в прежнем мире я чувствовал интуитивно, сейчас открылось. Ну-ка, посмотрим!

Сила – 3.

Ловкость – 4.

Вьносливость – 5.

Восприятие – 8.

Интеллект – 7.

Негусто для бойца на ринге. Самым развитым показателем оказалось восприятие. Мог бы сказать, что удивлен, но нет. Всю жизнь я зарабатывал этим навыком. Из-за него и попал сюда... Ну да ладно.

Характеристики в материи различались цветами. Три связи красного цвета, которые тянулись от центра – это сила, четыре салатовых – ловкость и так далее. Больше всего вы-

делялся оранжевый цвет – цвет восприятия. Между основными линиями вторичные линии соединялись мостиками. Красно-синие – сочетание силы и выносливости – определяли запас здоровья. Красно-зелёно-синие – сила-ловкость-выносливость – отвечали за грузоподъёмность. Оранжево-синие – за сопротивляемость и так далее.

Отчасти вся эта стройка связей, цепочек и мостиков чем-то напоминала картинку ДНК. Вот только в тех спиралевидных картинках я ничего не понимал, а картинку материи – рубил как дважды два.

– Ничего не помнишь? – вновь подал голос Шустрик. Его кровать стояла рядом.

– Ну так...

– Ну как так?! – он заговорил шёпотом. – Про уговор хоть помнишь?!

– Не совсем, – я пожал плечами.

Вопросов становилось всё больше. Мне бы с предыдущими разобраться, а тут ещё какие-то уговоры. С другой стороны, если у меня с Шустриком был какой-то уговор, значит, была и тесная связь. Не просто же так он шёпотом заговорил? Человек, который сможет ответить на мои вопросы или ввести в курс дела, лишним не будет. Осталось понять, на чьей он стороне. Хотя какие могут быть стороны у запертых в подвале подростков?

– Что за уговор?

– Блин, Сайлок, не тупи! – в глазах Шустрика промельк-

нул страх. Затем пацан оглянулся и заговорил так тихо, что пришлось повернуться к нему ухом. – Про гербуху!

– Гербуху?!

– Да! – Шустрик скосил взгляд на кровать и показал из-под одеяла руку. В ладони лежал пакетик с сушеными растениями. – Помнишь?

– Не-а, – я помотал головой, на что она отозвалась колкой болью.

– Да ну тебя! – Шустрик махнул рукой. – Оклемаешься, поговорим!

– Погоди-погоди! Покажи ещё раз.

– Больной, что ли, так орать?! – шикнул на меня Шустрик и медленно вытащил из-под одеяла пакетик.

Присмотревшись, я увидел содержимое. Невероятно! Не в том плане, что я рассмотрел знакомые листики, цветочки и корни... Нет, я видел содержимое. Как и в случае с материей, оно подсвечивалось разными цветами, подсказывая, что есть что и что за что отвечает. Ну и дела...

Согласившись с Шустриком, что мне не мешает поспать, я завалился на бок. Напоследок он спросил про поединок:

– Так ты выстоял? Дубль доволен?!

– Нет, – я помотал головой. – Кажется, не выстоял.

– Да ладно?! И что он сказал?

– Сказал, что я должен ему десять тысяч кредитов.

Шустрик был парнем эмоциональным. Чего стоили его

выкрики, оглядки и шёпот. Однако в последнем выражении лица было больше, чем он мог перенести. Глаза округлились, рот растянулся в стороны. Кажется, долг в десять тысяч кредитов был проблемой серьезнее, чем я его себе представлял...

Глава 2

Аквариум

Раньше я был обычным парнем. Компьютерные игры, футбол, девочки, сигареты и банка пива на четверых в подвале у друга. Всё изменилось с наступлением семнадцатого дня рождения. Я перестал быть обычным и почувствовал себя до безобразия хреново. Хотел бы сказать, что у меня появились сверхспособности. Впрочем, какие-то способности у меня появились, но понял я об этом много позже. Сперва были трудности. Да такие, что не хочется и вспоминать.

Дым. Так я его называл. Теперь я понял, что это были проекции материи. Но тогда они представлялись мне не чем иным, как просто дымом. Когда я сказал другу, что вижу клубящийся дым над деревом, тот отшутился и ударил меня кулаком в плечо. Когда я сказал об этом учительнице, она предложила меньше играть в видеоигры. Когда я рассказал об этом маме, она потащила меня к врачам.

Биполярное расстройство, шизофрения, раздвоение личности, паранойя, разыгравшаяся фантазия. Сколько было врачей, столько было и диагнозов. Я пил таблетки, занимался дыхательной гимнастикой, ходил к психиатру. Стоит ли говорить, что дым не исчез? Конечно же нет! Как проекция материи исчезнет из-за усилий других людей?! Проекция ма-

терии существовала на самом деле. Никакие чудо-таблетки и болтовня с психиатром за десять баксов в час не могли её убрать.

Единственный, кто не считал меня шизанутым, был мой старший брат. Он понимал меня. Возможно, он тоже видел проекцию материи, но мы никогда об этом не говорили. Мой брат верил мне и в то же время испытывал сожаление. Будто он ещё тогда знал, что что-то непременно случится...

Они пришли ко мне через несколько дней после наступления совершеннолетия. Я до сих пор не знаю, кто такие эти *они*. *Они* и *они*. Они платили деньги за рецепты. Очень большие деньги. *Они* приносили ингредиенты и фотографию. Мне оставалось лишь считать проекцию материи и приготовить препарат для погружения по уникальному рецепту. Такой рецепт всегда вспыхивал у меня в голове, будто по щелчку пальцев. Раз! – и я знаю всё, что нужно в него добавить. Эта способность в корне изменила мою жизнь.

Так продолжалось два года, пока мне не принесли фотографию брата...

* * *

Проспал я до самого утра. Сказывалось сотрясение и другие травмы. Телу нужен был покой и отдых. Проснувшись, я увидел, что ничего не изменилось. Пацаны по-прежнему лежали на койках и занимались своими делами. Кто-то лени-

во общался, некоторые читали, кто-то играл в портативную приставку. Каждый из них был отмечен фингалом, шишкой или шрамом на лице. Спортивный уголок по-прежнему пустовал.

Судя по всему, Шустрик был моим другом, другом Сайлока. Он лежал на кровати и листал комиксы. А когда я проснулся, отбросил глянцевые картинки в сторону и склонился надо мной:

– Ну что?! Вспомнил?!

– Не особо, – я протёр глаза и сел на кровати.

По сравнению со вчерашним оркестром, что лупил в черепной коробке в барабаны, стало лучше. Хотя голова по-прежнему кружилась. Подташнивало. Обычно раны в начале заживления становятся особенно болезненными. Я ожидал, что не смогу открыть глаза и шевелиться из-за множественных гематом на теле. Но нет. За ночь что-то подлатало меня изнутри. Материя? Не уверен, но, кажется, она способна на такое.

Материя – она словно секретный ключ в ДНК. Нарращивая и перестраивая её связи, можно добиться различных изменений, как физических, так и психологических. Мне никто этого не объяснял, но я чувствовал. Так же, как я, не задумываясь, управлял частями тела. Так же ощущал сгусток внутри и знал о его возможностях. О некоторых точно. Может, глядя, как погибает тело носителя, материя сама помогла ему восстановиться? Не отрицаю. Если материя – это

чужеродная масса в моём теле, то она заинтересована в моей сохранности не меньше меня. Наверное.

– Не вспомнил?! – Шустрик потрогал козырёк кепки. – Сайлок, бро. Ты меня пугаешь!

– Да я и сам, знаешь ли... Может, расскажешь мне что-нибудь? Я слышал, что память лучше восстанавливается, если подкормить её воспоминаниями.

– Что рассказать?!

– Ну, начни с малого. Где мы? Что здесь делаем?

– Серьёзно? – Глупо улыбаясь, Шустрик посмотрел на парней. Те были заняты своими делами.

– Нет так нет, – я пожал плечами. – Тогда я ещё посплю.

– Стой-стой! – Пацана знатно доконало одиночество. Он готов был почувствовать себя придурком, рассказывая о банальных вещах, нежели возвращаться к журналу, прочитанному вдоль и поперёк десять раз. – Ну ладно. Слушай и напрягай мозги, чтобы они побыстрее заработали! Не хватало мне тут ещё твоим доктором заделаться!

Место, в котором я оказался, называли Аквариумом. Называлось оно так потому, что в нём якобы из мелких рыбёшек должны были взрастить крупных хищников. На деле же всё было совсем по-другому.

Итак, Аквариум.

Почти все мальчишки пришли в Аквариум по своей воле. Уж не знаю, что такого страшного творилось на улицах города, но они выбрали жизнь взаперти и избиения в обмен на

крышу над головой. Тем не менее плюсы в Аквариуме однозначно были. Кровать, душ, чистое бельё, трёхразовое питание и бонусы за хорошее выступление на ринге.

Именно выступление, а не поединок. Поединок предполагал, что оба участника могли стать победителями. А мальки из Аквариума лишены такой возможности. Их задача – продержаться как можно больше раундов, пока их избивает тренированный здоровяк.

– И сколько раундов нужно продержаться?

– Ты прикалываешься, Сайлок?! – Шустрик взялся за козырёк кепки и склонил голову. – Ты не выглядишь слишком добалнутым, чтобы не помнить таких простых вещей!

– Так что там с раундами? – тащил я информацию, понимая, что разговорившегося Шустрика уже не остановить.

Формула была простой. Чем больше продержишься – тем больше получишь. Продержался один раунд – получи свежий выпуск комиксов или новую видеоигру на приставку. Продержался два раунда – получи дополнительный десерт. Три – улучшенное меню и сладкую газировку, четыре – сеанс в домашнем кинотеатре с попкорном, пять – сауну и джакузи, шесть – портативную приставку. Подростки еженедельно отхватывали знатных люлей, но оставались подростками, довольствуясь малым.

– Что насчёт ребят? Кто главный?

– Медный, – Шустрик кивнул на кровать возле двери.

У него было две тумбочки. Обе были завалены комикса-

ми, газировкой, сладостями и девайсами. Пацан с серьгой в ухе лежал на кровати и смотрел что-то в планшете. Четверо других сидели на соседней кровати, будто воробьи на жёрдочке, и смотрели на лидера.

– Он у нас лучший, – продолжил Шустрик. – Меньше трёх раундов никогда не стоит, а бывает – пять или даже шесть. Видишь, сколько у него добра?

– Почему он не поделится?

– Такие правила. – Шустрик пожал плечами. – Каждый может пользоваться только честно заработанным. Если Тренер увидит, что мы друг другу ништяки передаём – накажет. Хотя Медный тот ещё жмотяра! Видишь, как остальные кружатся возле него? Хотят быть ближе к сильному...

– Зачем?

– Всякое тут бывает. – Шустрик проглотил слюну и почесал шею. – Всякое...

– А почему никто не тренируется?

– Иногда тренируемся. Но толку от этого? Вон тебе как голову отбили, хотя ты любил на турнике повисеть.

Вот, значит, откуда крепкие руки. Бицепсов и мышц нет, но хватка сильная. Спасибо и на этом. Картинка с пацанами понемногу складывалась. Ништяками, как их обозвал Шустрик, делиться нельзя. Так тренер поддерживал конкуренцию и мотивацию. Зачем выкладываться на ринге, если можно попросить у друга. Нет, так не сработает. Хочешь лучше жить и вкуснее кушать – старайся!

– Ну а занятия с тренером часто?

– Ха! – Шустрик ударил себя по козырьку. – С Тренером?!

С этим пьяницей?! Успокойся! Он только для вида куртку тренерскую носит. Мы тут сами по себе. Хочешь – занимайся, хочешь – лежи, комиксы читай. В Болотной лиге всё не так серьёзно.

Ещё и лиги какие-то. Про это я, пожалуй, спрашивать не стану. И так голова закипала. Утолив желание выговориться, Шустрик на время отстал. Достал из тумбочки бутылку лимонной воды и две кружки. Одну протянул мне, из второй с наслаждением отпил сам. Напиток оказался вкусным. Впрочем, учитывая, как сильно я хотел пить, и вода из лужи показалась бы ничего.

Смочив горло, я снова прилёг. Мозг потихоньку включался. До конца я ещё не понимал, насколько серьёзно встрял в этой Болотной лиге.

А может, и вовсе... Может, оно даже на руку. Тем не менее сейчас меня больше интересовали другие дела. Самое главное, что я по запарке не спросил у брата, как мне вернуться. Понятно, что сейчас это небезопасно. Но рано или поздно они успокоятся. Успокоятся же? Да, если не достанут здесь...

Было бы здорово связаться с братом, но как это сделать, я понятия не имел. И возможно ли это вообще? С ответом на этот вопрос подскажет только кто-то с большим количеством материи. По-другому никак. Материя – единственное связу-

ющее звено между двумя мирами. Она словно нить, которая соединяет два куска ткани. Частицы разных кусков никогда не вступают в связь друг с другом, а нить просачивается через естество обоих. Но где же найти человека с большим количеством материи? Судя по всему, как и в моём мире, материя – редкость. По крайней мере я ни видел её ни в одном из мальчиков. Только у толстяка Дубля было немного. Чуть больше, чем у меня.

Дубль. Вот о чём стоит подумать. Попытав ещё немного Шустрика, я узнал, что Дубль – один из совладельцев Болотной лиги. Иногда он ставит крупные суммы на верняки. Сайлок должен был выстоять один раунд. Дубль поставил на этот поединок десять тысяч кредитов и с крошечным коэффициентом рассчитывал поднять лишнюю тысячу. Он знал цену кредитам и редко рисковал. Но кто ж знал, что я ворвусь в тело этого пацана в тот самый миг? Думается, именно из-за этого Сайлок не устоял.

Процесс погружения – это не лёгкая прогулочка. Меня корёжило так, что я чуть умом не тронулся. Что ж происходило с пацаном, которого я выгонял из тела? Кстати, а что с ним случилось? Он ведь не мог бесследно исчезнуть? Рецепт предполагал замещение, а не уничтожение. Ладно, сейчас не об этом. Дубль повесил на меня десять тысяч кредитов. Что это значит?

– Мы здесь по своей воле, – сказал Шустрик. – Ты – тоже. Мы можем уйти, когда захотим. Но если уйдём, то боль-

ше никогда не сможем вернуться. Поэтому сидим. Тут еда и крыша над головой. Можно более или менее безопасно досидеть до восемнадцати и тогда уже уйти. Нас иногда штрафуют. Штрафы мы отработываем на ринге. Ставим сами на себя кредиты и стараемся продержаться до нужного раунда. Однажды меня оштрафовали на сотню кредитов. Я отработывал её четыре месяца. Пока не отработал – уйти не можешь.

Четыре месяца на сотню кредитов. Тогда десять тысяч кредитов – это четыреста месяцев? Что получается? Я застрял тут лет на тридцать? Нет, я, конечно, не против укрыться на время, но не на тридцать, мать его, лет!

К вечеру я стал чувствовать себя ещё лучше. Помогла еда. На завтрак, обед и ужин нас водили строем в соседнее помещение с лавками и длинным столом. Аппетит разыгрался – мама не горюй! Что овсяная каша с маслом, что суп и макароны, что рыба с крупой. Залетало вовнутрь, будто меня каждый раз выводили из леса, а не из соседней комнаты. За ужином я уллучил момент и заглянул в себя. Догадки подтвердились. Аппетит был в первую очередь связан с восстановлением. Я закидывал в желудок еду, на что материя активно откликалась. Новые связи не выстраивались, но уплотнялись существующие. Причём материя преобразовывала еду чуть ли не в чистую энергию. Будет ли чем в туалет-то сходить?

За день к тренажёрам никто так и не подошёл. Почему па-

цаны сутками валяются на кроватях? Самого же меня, будто магнитом, тащило на спортивную площадку. Ёпт, чего там только не было! Тренажёры, штанги, турники и груши. Уж лучше проводить время с пользой, чем впустую отлёживать бока.

Подошёл к турнику и запрыгнул на перекладину. Хрустнул позвоночник, кольнуло в голове. Напрягся и подтянулся. Один, два, три... Восемь чистых подтягиваний за один подход – неплохо. Да что там неплохо – хорошо! Запрыгнул ещё раз и выжал пятёрку. В третий подход сил хватило только на четыре, да и то в последний раз едва коснулся перекладины подбородком. Догнаться решил отжиманием.

В том мире моё тело было куда крепче и слаженнее. Из-за постоянной работы с материей я страдал морально. Брат посоветовал тренажёрный зал. Как только нагрузил мышцы, стало легче в голове. За два года, что я работал на тех людей, тренировки стали не просто обыденностью, а почти зависимостью. Не хлопни я сорок отжиманий сразу же после приготовления рецепта – в голове будет туман. А лучше к отжиманиям прибавить пробежку и сотню сгибаний. Тогда порядок. Привычка оказалась не только полезной, но и приятной. Мало-помалу тело облепили мышцы. Магазинные пакеты и прочая бытовая ноша ощущалась всё меньше.

Забрасывать привычку я не собирался. Во-первых, материя в новом мире намного более выраженная, а значит, и работа с ней потребует дополнительных ресурсов. Во-вторых,

где ещё наращивать на костях мышцы, если не в Болотной лиге избияения подростков, участником которой я стал?

Тренировка прошла плохо, если ты не порвал мышечные ткани. Новые соединения увеличат объём и силу. Отжимался я до тех пор, пока не рухнул. Трясущиеся руки расплзлись в стороны, отбитый подбородок отозвался болью. Впрочем, и то, и другое казалось сущими пустяками на фоне возникшей связи. Я заглянул внутрь и увидел новое соединение между красной и синей линиями:

Навык физического развития повышен до 1.

Общий объём материи увеличен до 0,02 относительной единицы.

Странно. Это были даже не слова, но читал я их, будто текст. Думается, причиной всему – прямая связь материи с телом, а значит и мозгом. Она выстраивала связи и развивалась, а мне сообщала об этом в привычном для меня виде. Кажется, точно так же я готовил рецепты в прошлом мире. Зачастую я не знал названия трав, кислот, спиртов и реагентов. Знала материя и подсказывала, что делать. Подсвечивала, будто в компьютерной игре для детишек. Красное – плохо, зелёное – хорошо, жёлтое – мешай, синее – убавляй.

Я обрадовался, узнав, что могу увеличивать общий объём материи простыми физическими упражнениями. Воодушевлённый, я кинулся на беговую дорожку, но сдулся минут через пять, так и не дождавшись заветного ощущения внутри. Силы иссякли. Но ничего страшного. Чего-чего, а упор-

ства мне не занимать. Ежедневные тренировки помогут накопить материю, а там посмотрим, на что она способна. Вон как Дубль ловко перепрыгивал через канаты! С его-то весом!

– Кстати, – спросил я у Шустрика, завалившись на кровать. – Что за имя такое странное – Дубль?

– Это не имя. Его зовут Боб. Раньше все называли его Большой Боб, но со временем начали сокращать. Большой Б, Два Б, Дубль Б. В конце остался просто Дубль.

– Ясно.

Переводя дыхание, я вспомнил про наш разговор накануне. Речь шла о каком-то уговоре между мной и Шустриком. Он ещё показывал мне какую-то траву.

– Слушай, Шустрик, – я приподнялся на локте, но тут же рухнул обратно. – Ты говорил про уговор вчера. Так что там...

Щёлкнул замок. Парни повскакивали с кровати и побежали к двери. Лежащими остались только мы с Медным. Он – потому, что был слишком крут, чтобы вести себя как остальные, я – потому, что сил хватило только чтобы сесть. Откуда такое изнеможение? Я задал себе вопрос и тут же получил ответ. Увеличение общего уровня материи вело за собой создание новых связей, а на это в свою очередь требовались все доступные ресурсы организма. Вот почему я скопытился на беговой дорожке, не пробежав и пяти минут.

В зал вошёл Тренер и принёс лист бумаги. Расчерченная от руки табличка с тремя столбиками. Отталкивая громоздя-

щихся на пути мальчишек, он подошёл к стене и прикрепил бумажку на информационную доску. Да, такая была. Пробковая доска размером метр на метр. На ней не было ничего, кроме листика. Предыдущий листик валялся на полу.

– Ну что, есть Томагавк?! – выкрикнул кто-то из парней.

– Есть или нет?! – подключился ещё один.

– Чёрт, да! – вскрикнул третий. – Кто с ним?! Кто?! Дайте посмотреть!

Распихав пацанов, Тренер высвободился и пошёл к двери. Почему он так странно на меня посмотрел?

– Сайлок! Это Сайлок!

Моё имя? Десяток голов повернулись и уставились на меня. Что-то не так. Что случилось?! Почему они так странно смотрят? Они жалеют меня? Почему лыбится Медный?

– Что? – спросил я у Шустрика, когда тот вернулся к кровати. – Чего они таращатся?!

– В графике сражений в конце недели ты стоишь с Томагавком.

– И чего?

– Томагавк – один из сильнейших бойцов Серебряной лиги. – Шустрик снял кепку и потрепал волосы. – Он убивает болотников...

– Не понял!

– Псих, – нервно хихикнул Шустрик. – Мочит изо всех сил. Восьмерых пацанов забил на ринге. Изверг!

– Во дела!

– Те, кого ставят с Томагавком, отказываются от сражения. Уж лучше отработать штраф и посидеть недельку на хлебе и воде, чем умереть.

– А так можно?

– Да.

– Тогда я тоже откажусь!

– Ты не можешь!

– Это почему?!

– Ты должен десять тысяч Дублю...

Глава 3

День певый

Каково это – в восемнадцать стать богачом? Круто. Мне ли не знать? В семнадцать я жил в маленькой комнатухе с родителями, ездил на велосипеде, откладывал деньги, чтобы купить видеоигру, и бил по маминому бюджету постоянными походами к психологу стоимостью десять баксов. Через год – в восемнадцать – я жил в собственной пятикомнатной квартире, ездил на иномарке последней модели, откладывал деньги, чтобы купить элитный дом в самом престижном районе города, и легко мог отблагодарить маму за все её труды. Её зарплату за десять лет я получал за один сеанс. Обычно их было два в месяц.

Военному я заплатил столько, что кто-то из призывной комиссии принёс мне военник домой. В перерывах между готовкой я посещал самые богатые курорты мира, зависал в клубах, барах и ресторанах. Когда у тебя на счету долларова сумма с семью нулями, париться о материальном не приходится. Захотел вторую машину? Пожалуйста! Эксклюзивную мебель и девайсы? Нет проблем. Поставить десять тысяч долларов на матч любимой команды? Легко. И плевать, что они играют с победителем Лиги Чемпионов. Так смотреть интереснее. Индивидуальный просмотр премьеры но-

вого фильма в кинотеатре? Раз плюнуть! Личный самолёт в аренду? Проще простого! Купить самолёт? Ну... можно и купить, чего уж там!

Задавал ли я себе вопросы? Постоянно. Впрочем, задавал только себе. С ними мне разговаривать запрещалось. Погружению меня научил их человек. Старик, от которого едва ли не пахло смертью. Помню, как мы сидели в кухне, и я боялся, как бы он не остыл прямо у меня за столом. Обучение прошло быстро. Старик достал фотографию и готовый рецепт. Положил передо мной. И всё. Один короткий взгляд, и я всё умею. Вот так работает материя!

В тот день у меня хватило смелости спросить: что же происходит с людьми, для которых готовятся зелья? Что происходит с ними после погружения? Вместо ответа старик положил на стол чемодан с деньгами. Ёпт! Там был целый чемодан денег! Прежде я такое видел только в кино. Когда в считанные секунды ты становишься пускай не богачом, но хорошо обеспеченным человеком, вопросы, на которые хотел получить ответы, теряют свою значимость. Сто тысяч долларов – плата за два последовательных взгляда. Один на фотографию, второй на препарат. Принял ли я эту игру? Вцепился в неё зубами!

Раз в неделю ко мне приходил Пат – их человек. Он приносил фотографию и два чемодана. В одном – деньги, во втором – ингредиенты. Первое время я пытался разобраться. Как акулий жир взаимодействует с какао-бобами? Почему из

старых засушенных корешков выделяется столько сока, если их положить в кислоту? Где они берут кончики ушей муравьедов? И не впадлу же кому-то копать в коровьем дерьме, чтобы достать непереваренные комочки травы?

Посмотрев на фотографию, я с точностью до грамма знал, чего и сколько нужно положить, чтобы приготовить индивидуальный рецепт. Позже у меня появилась и своя лаборатория. В пятикомнатной квартире нашлось для неё место.

Пат внимательно следил за моей работой, забирал зелье и отдавал чемодан. На этом моя связь с ними заканчивалась до следующего прихода. Никаких вопросов, ответов и даже пары переброшенных фраз. Ингредиенты – зелье – деньги.

Чаще всего с фотографий на меня смотрели молодые люди в возрасте до двадцати пяти. Парни и девушки. Разных цветов кожи и национальностей. Разных социальных прослоек. Что случалось с ними после погружения? Зачем они это делают? Делают по своей воле или нет? На эти вопросы у меня не было ответов.

Теперь-то я понимаю, что с ними был как-то связан мой брат. Возможно, он работал на них. Возможно, был их частью. Кто они? Что они делали? Что стало с братом? Я должен найти ответы, но прежде...

* * *

Несмотря на неприятные новости, спал я хорошо. Сказы-

валась усталость. К утру я снова был бодр и свеж. Неделя. Через семь дней меня вытащат на поединок с Томагавком. Что можно успеть за неделю? Если я буду увеличивать материю каждый день на две сотых, то к поединку наберу пятнадцать процентов от единицы. Много это или мало? Непонятно. Хотя правильный вопрос звучит так: даст ли мне это хоть что-то?

– Шустрик! – потряс я за плечо спящего пацана. – А если я в первом раунде слягу?

– Чего? – Парень потёр глаза и потянулся за кепкой. К головному убору с прямым козырьком он питал какие-то особые чувства.

– Выйду на бой, но не буду драться, а слягу после первого удара. – Я улыбнулся. Идея созрела ещё ночью. Я не разбудил Шустрика только из-за собственной слабости, а утром силы вернулись. Ждать я больше не мог. – Штрафом больше, штрафом меньше. Я ведь и так в кредитах по самые уши, а?!

– Не получится, – ответил Шустрик и вытащил из-под одеяла руку с часами. – Блин, ещё совсем рано!

– Почему не получится?!

– Бой может закончиться нокаутом только во втором раунде. Если упадёшь в первом, противнику не запрещается бить и лежачего, и без сознания. Сайлок, ты бы Тренеру сказал, что у тебя с башкой не всё в порядке. Может, витамины пропишет. Я уже заколебался каждую мелочь тебе объяснять!

– Бить лежачего?!

– Бить-бить! – кивнул Шустрик. – Нормальные бойцы таким не занимаются, но не Томагавк. Я же говорил! Он – псих полный!

Позавтракав, я переоделся в спортивное и пошёл на площадку. К моему удивлению, на борцовском ковре уже разминаясь двое парней – Вадос и Ден. Всё же площадка не всегда пустовала. Желающие нашлись, а в предыдущие дни не показывались потому, что восстанавливались после ринга.

Шустрик со мной не пошёл, хоть я его и звал. После завтрака он завалился спать. Странный. Обычно болбочет – не заткнуть, а этим утром молчаливый, с синяками под глазами, заспанный. Не случилось ли чего? И всё же, как бы сильно он ни хотел спать, я вытащил из него пару фраз про пацанов на ковре.

Первое время обстановка в Аквариуме казалась мне дружелюбной и беззаботной. Якобы пацаны отлёживаются на кроватях, болтают, раз в неделю коллективно получают люлей. Позже я понял, что реальность отличалась от первого мнения. Подростки. Чего можно ждать от подростков, которые месяцами или даже годами сидят друг с другом в замкнутом помещении? Теперь и я отчётливо чувствовал витающие в воздухе злость, напряжение, зависть, конкуренцию.

Материя забрала у меня все ресурсы на восстановление, поэтому спал я как убитый. Лишь пару раз просыпался из-за каких-то посторонних звуков. Шума и грохота? Может быть.

Могу ошибаться, но, кажется, ночью в Аквариуме были разборки. Кто-то с кем-то дрался. Нет, кто-то кого-то избивал, или наказывал, как любили выражаться пацаны. Не поэтому ли Шустрик такой заспанный? Этот вопрос я решил взять на контроль. Понаблюдаю, оценю, что к чему. Можно спросить у Шустрика напрямую, но пацаны редко о таком говорят.

Не совсем понятно, к чему эти разборки между своими, когда на ринге встречаются настоящие враги? К тому же власть уже поделена. На место Медного никто не претендует. Он тут единогласный лидер и босс. Нужно держать ухо востро. Поэтому я и спросил у Шустрика про пацанов на ковре.

Вадос и Ден – парни с амбициями. Они не просто пересидели в Аквариуме до совершеннолетия. Они хотели сделать карьеру. Стать звёздами. Такими, как Томагавк. Не в плане – такими же психами, а в плане – такими же известными и уважаемыми.

– Привет! – Я подошёл к коврику и размял шею. – Не против, если я с вами позанимаюсь?

– Нет проблем! – ответил Вадос, пацан с эластичными бинтами на кулаках.

– Только с коврика отойди, – вставая в боевую стойку, добавил Ден, лысый парнишка с одним оттопыренным ухом. – Мы с Вадосом поиграем немного.

Чёрт! Только я сошёл с коврика, как пацаны сошлись в бою. Причём дрались по-настоящему. Били во всю силу в лицо и по корпусу. Пробивали ногами по бедру и голени. Отвеча-

ли друг другу коленом или локтем. Получалось очень неплохо. Да что там неплохо! Передо мной стояли два воплощения подростка Джеки Чана. Быстрые переходы из защиты в контратаку, присесты, подсечки, уклонения, болевые и удушающие. Они провели три минуты в бешеном темпе и разошлись по краям ковра, вытирая пот и кровь.

Вадос и Ден редко выдерживали на ринге больше двух раундов, хотя в Аквариуме ценилось именно это. Но падали они быстро не потому, что были слабее других. Нет. Они хотели победить! Били, вместо того чтобы считать секунды, закрывшись в обороне. Вадос и Ден пришли в Аквариум, чтобы набраться сил и перейти в следующую лигу. Серебряную, а затем и Золотую, где сражение со смертельным исходом – обыденность, а начальные ставки начинаются от трёх тысяч.

– Можешь мне что-нибудь показать? – воодушевившись увиденным, спросил я.

– Что показать? – Вадос тяжело дышал. Капли пота скапывались по носу и разбивались о прорезиненный ковёр.

– Парочку приёмов. Технику.

Я и сам не знаю, какого хрена меня понесло к этому Вадосу. В планах на день у меня стояли длительная пробежка на дорожке, а затем силовая тренировка со штангой. Занятия сделали бы меня более выносливым и сильным. В моём положении это куда важнее сбитого кулака и поставленного удара. Наверное, дело в любопытстве. Я бы не задумываясь прошёл мимо, если бы увидел жалкий выпендрёж с сопени-

ем и передышками каждые десять секунд. Но Вадос и Ден знали своё дело. Выкладывались по полной и лупили друг друга до крови. Не заслуживало ли это уважения? Ещё как! Попросить о тренировке – значит не только узнать что-то новое, но и приобрести друзей. От таких друзей я бы точно не отказался, учитывая странные ночные события.

– Боюсь, тебе не понравятся мои методы, – ответил Вадос, отдышавшись.

– И всё же я попробовал бы.

– Ну тогда... Прошу на ковёр!

Для парня без материи он обладал потрясающей скоростью и реакцией. Вот что значит постоянные тренировки и упорство. От прямого в нос голова запрокинулась назад, а в следующий миг я сжался всем телом, пытаясь втянуть воздух. Удар с левой пришёлся точно в солнечное сплетение.

– Полегче! – подал голос Ден.

– Через неделю пацан умрёт, – сухо проронил Вадос. – Если хочет чему-то научиться – придётся пройти ускоренный курс. А ускоренный – стрессовый и на пределе возможностей. Ну что, Сайлок, с тебя хватит?

– Нет, – выдавил я, как только лёгкие снова заработали. – Раз уж начали, то...

Боковой я кое-как заблокировал. Своим же кулаком ударил себе в ухо, но если бы пропустил в челюсть, сполз бы на ковёр надолго. Тем не менее на ногах я не удержался. Лоу-кик срубил меня, будто топор молоденький орешник. При-

землилось плечо, затем голова, последними – ноги.

Больно? Да. Особенно в икре. Мышца онемела. Нога почти не двигалась. Опершись на руки, я поднялся и встал в стойку.

– Ещё?! – улыбнулся Вадос и удивлённо посмотрел на Дена.

Вместо ответа – мой короткий кивок. Я влез в это болото с головой. Не вылезать же просто так? Пойду до конца. От прямого ухажу корпусом, локтем блокирую удар в печень и приподнимаю ногу над стремительно пролетающей подсечкой... Вот оно! Пацан заваливает корпус, разворачивается ко мне боком. Рассчитывал ли он схлопотать синяк под глазом от тихони Сайлока, кровать которого стоит дальше всех от двери? Подвожу вперёд плечо, выкидываю руку и... промазываю... Вадос, потеряв стойку, идёт в клинч, врезается плечом в живот, добавляет два коротких в пресс. Странно, что овсянка и бутерброд с маслом сразу не вышли на ковёр. Толкает меня левой в грудь и завершает комбинацию боковым в челюсть. Я на полу... Лежу и корю себя за совершённую ошибку. Поспешил с атакой. Рано полез. Болят живот и рёбра, покраснелась левая половина лица. В воздухе пляшут звёздочки. Больно, обидно? Нет. Что-то греет изнутри. Или мне кажется? На миг прикрываю глаза. Нет, не кажется.

Вот она – новая связь:

Вторичная характеристика «рукопашный бой» повышена до 1.

Общий объём материи увеличен до 0,04 относительной единицы.

Вырваться из объятий материи было непросто. Хотел прикрыть глаза на пару секунд, но завис там чуть ли не на полминуты. Каждая связь, скопление, ниточка и промежуточные звенья стали мне родными. Я будто разглядывал посаженное растение, наблюдал за домашним муравейником или аквариумом. Оно принадлежало мне. И я радовался даже самым маленьким подвижкам.

– Живой? – потрепал меня за плечо Вадос.

– Да, да, – я открыл глаза и улыбнулся. – Всё в порядке.

Пацан посмотрел на меня, подняв брови. Не каждый день видит придурка, который лыбится, знатно получив по роже.

– Пожалуй, на сегодня хватит!

– Пока хватит. – Я поднялся, ухватившись за протянутую руку. – Позанимаюсь на тренажёрах, а потом продолжим!

– Как знаешь... – Вадос скривился и вопросительно посмотрел на пацанов.

Их, кстати, собралось штук восемь у борцовского ковра. Оказывается, многие были не прочь посмотреть, как пинают Сайлока. Ну и хорошо. По крайней мере, пацаны проявили интерес хоть к чему-то, кроме комиксов и видеоигр, на которые их подсаживали владельцы Болотной лиги. Медный хоть и не подошёл к коврику, но с кровати поднялся, чтобы лучше видеть. Правда, как только я глянул в его сторону, сделал вид, что бой его не интересует. А ещё я увидел что-то нехо-

рошее в его глазах. Почему этот пацан вечно недоволен? Что с ним не так?

– Так ты неделю не протянешь, Сайлок! – вбросил кто-то из зрителей.

– Он специально хочет раньше времени сдохнуть, чтобы с Томагавком не встречаться! Вадос, долбани его ещё разок, чтоб не мучился!

Боль в челюсти пройдёт, как пройдёт и боль в икре. А вот объём материи никуда не денется. Эта вещь постоянная. Постоянно растущая. По крайней мере, я рассчитывал, что так и есть. Подколы пацанов – это и вовсе последнее, о чём стоило переживать. Наверное, я выглядел тем ещё чудачком, когда вскочил на дорожку и выкрутил интенсивность на девятку. Побежали!

Истязал я себя, как только мог. Мне нужна была материя, как наркоману доза. Зачем? Чёрт его знает! Материя – это круто. В том плане, что материя – это чужеродная форма жизни, которая увеличивает человеческие возможности. Как бы иначе я смог готовить зелья, в которых ничего не понимал? Пока я не чувствовал отклика от материи, разве что бегалось легко, но это можно было связать и с восстановлением после множества травм на ринге. Тем не менее рано или поздно присутствие материи станет заметным. Не просто же так всплывают эти надписи:

Вторичная характеристика «физическое развитие» повышена до 1.

Вторичная характеристика «рукопашный бой» повышена до 1.

Тренируюсь, я развивал навыки, а навыки мне нужны. Сейчас особенно нужны.

Беговая дорожка, отдышаться, приседания, пресс, отжимания. Беговая дорожка, отдышаться, приседания, пресс и так по кругу. Три часа усилий, и я получаю ни с чем не сравнимое чувство внутри:

Вторичная характеристика «физическое развитие» повышена до 2.

Общий объём материи увеличен до 0,14 относительной единицы.

– Слушай, Сайлок. – Ко мне подошёл значительно посвежевший Шустрик. – Ты, может, забыл, но я напомним. Иногда ты висел на турниках, но чтобы прыгать часами как угорелый... Может, лучше поспишь? Дать успокоительного?

– Присоединяйся!

– Чего?!

Я встал на неподвижные бортики беговой дорожки и повернулся к спальной части Аквариума. Всего в помещении жило четырнадцать человек. Головы десятерых были повернуты в мою сторону.

– Вижу, что хочешь. И они хотят, только не решаются!

– Да ну тебя! – Шустрик махнул рукой и собрался уходить.

Прибавив наклон, я вскочил на дорожку и побежал. Шустрик замер. Чтобы не сильно его смущать, я дотянулся до

кнопки включения соседней дорожки и запустил на двойке. Я не видел выражение его лица, но чувствовал: парень едва сдерживается. Физические упражнения – они такие. В какой-то миг становится сложно, больно и уныло. Хочется плюнуть и бросить. И в то же время упражнения – завлекающая вещь. Ну какой подросток откажется вскочить на дорожку и потоптать подошвой резиновую накладку? Чёрт возьми! Вот же она, прямо перед тобой! Впрыгивай и топчи. Ну?!

Шустрик не удержался. Повернул козырёк на затылок, включил скорость на шестёрку и побежал. Улыбался? Ещё как!

Поднять физическое развитие до третьего уровня я не успел. Близился ужин. Вадос с Деном потихоньку сворачивались, а я не хотел их отпускать.

– Ещё разок?!

– Не переусердствуй, Сайлок! – ответил Вадос на моё предложение. – Во всём нужно знать меру. Завтра с кровати не встанешь!

Меру? Ну-ну. О какой мере можно думать, когда через пять дней тебя выпустят на ринг против убийцы, который не брезгует бить лежачих? Извиняй, Вадос, но по-другому мне нельзя. То, что я делаю – это путь к полностью забитым мышцам и истощению. Будь у меня время, я выбрал бы другую методику. Но времени у меня нет, а единственное, на что я могу рассчитывать – материя. В течение дня я должен

выложиться по максимуму, рухнуть на кровать без сил, отключиться и надеяться, что материя мне поможет.

– Ссышь?!

– Чё?! – Вадос выпучил глаза.

Нет, ну а что мне оставалось?! Он шёл в душ. Ждать следующего дня не вариант. Бой нужен прямо здесь и сейчас.

– Не ссы, я больно не буду!

– Сайлок, засранец, что с тобой?! Совсем с катушек съехал?!

– Если отказываешься, то на ковёр завтра не приходи! – Я угрожающе ткнул в него пальцем. – Теперь он мой!

– Ха!

К смеху Вадоса и Дена прибавились подначивающие крики пацанов. У ковра собралась толпа. Уж не знаю, каким был Сайлок до меня. Но пацаны, мягко сказать, удивлялись его поведению. Думается, тихоня окончательно попутал берега.

– Подержи-ка, Ден! – Вадос кинул полотенце и занял место на ковре. – Смотри, чтобы это не стало твоим последним поединком, парниша!

– Без проблем! Попрошу у Дена, чтобы он вытер кровь с твоего лица, когда мы закончим!

– Я в шоке! Что с ним?..

– Хватит трепаться, тормоз! – Я поднял кулаки. – Тащи задницу к центру ковра!

Вадос сорвался с места. Удары полетели в голову, по корпусу и по ногам. Собирался ли я ушатать парня, который

каждый день практикует рукопашку? Разумеется, нет. Я должен стать грушей. Стать грушей, чтобы узнать, как много я смогу вынести.

Заблокировал правый боковой, увернулся от вертушки. Пропустил в глаз, печень, бедро. Главное – беречь голову. Боль в теле я переживу. Голову нужно беречь, чтобы как можно дольше стоять на ногах. Выстоять один раунд. Как же долго он длится, когда тебя избивают. И ведь со мной в паре болотник. Чего же ждать от Томагавка – грозы Серебряной лиги?

Из плюсов – я использовал навык рукопашного боя. Не бил в ответ, но предугадывал некоторые шаги Вадоса. Вот и первый отклик от материи. Расширяй её границы – собирай плоды. Впрочем, звучало это более позитивно, чем выглядело на самом деле. В реале Вадос колотил меня кулаками, ногами, локтями и коленями. Бил изо всех сил. Оскорбления взбесили парня. Это мне и нужно было. Животная ярость и желание прибить меня к ковру.

Пропустил апперкот. Идиот! Видел же, как рука, будто поршень, стартует от корпуса. Нужно было уйти, но нет. Голова опрокинулась. Из носа на майку хлынул красный поток. Кое-как собрав разлетевшиеся руки, попытался словить равновесие, но вместо него словил с ноги в грудь. Сгруппировался, перевернулся через спину и вскочил на ноги.

– Боже, Сайлок, ты меня пугаешь! Без шуток! – сморщившись, сказал Вадос и выкинул руки в воздух, чтобы рассла-

бить мышцы. – Вали с ковра, пока я тебя не прикончил!

Кривился Вадос от моей улыбки. Я не хотел выглядеть, как ополоумевший маньяк – окровавленное лицо и белые зубы, по которым стекает кровь. Но ничего не мог с собой поделать. В районе солнечного сплетения разливалась теплота. Как же тут не улыбнуться-то?

Вторичная характеристика «сопротивление урону» повышена до 1.

Общий объём материи увеличен до 0,16 относительной единицы.

Я убрал с лица улыбку. Постарался выглядеть озлобленным и чуток сумасшедшим. С расквашенным лицом, синяком и слипшимися волосами было не так уж и сложно.

– Уходишь с ковра – значит отдаёшь его мне!

– Кончай его, Вадос! – крикнул Ден. – Совсем оборзел, козлина! Гаси!

Удары ногами были особенно болезненными. Вадос и раньше не давал поблажек, но в конце совсем разошёлся. Мягкие ткани на бёдрах, голени и предплечьях превратились в отбивные. От ударов меня раскачивало в стороны. Я поплыл.

Больше всего боялся потерять контроль, хотя и был готов, что рано или поздно это случится. Оступился от удара в плечо, протянул руку, чтобы упереться в пол, но не дотянулся. Второй удар с ноги прилетел в открывшееся лицо. Меня швырнуло в противоположную сторону. Голова чуть не ото-

рвалась от тела. В шее что-то хрустнуло. Тепло. Тьма...

Открыл глаза ночью и секунд двадцать соображал, где я. На тумбочке стояла бутылка воды, рядом – два коржа, которые обычно давали на ужин. Полтора литра выпил в два глотка. Выпил бы в один, если бы не прерывался на коржики. Истратил все силы, чтобы поставить пустую бутылку на тумбочку, и отключился.

На завтрак шёл, будто на марш-бросок. Материя хорошо поработала, но столько дерьма за одну ночь не разгрести. Тепло умоляло остаться в кровати, мозг тащил лентя к еде. Под косые взгляды и нервные усмешки дошёл до столовой и смёл с подноса всё до последней крошки. Выпил чай, забыв размешать сахар, но не побрезговал доесть его просто так. Зачерпнул ложкой вместе с кусочком лимона и перемолол в топке. Еда – энергия. Ни больше ни меньше.

Пища оказалась очень кстати. Это навело на мысль, что я совершил серьёзную ошибку, пропустив вчерашний ужин. Дав материи больше энергии, проснулся бы в лучшей форме. Учту. Обязательно учту.

– Ты как? – спросил Шустрик перед обедом.

– Норм! – ответил я. – Продолжим?

– Что?! – вытаращился пацан.

– Пообедаем и на турники?

– Слушай, Сайлок. – Шустрик потерябил козырёк. – Мы тут с пацанами поболтали. Кажется, у тебя нервный срыв или вроде того. Это и понятно. Кто бы с катушек не съехал, по-

нимая, что ему предстоит с Томагавком драться, но... Коро-
че, полежал бы ты, а?! Успокоился. В душ сходи, а то выгля-
дишь... Как побитая собака, не лучше! Мы беспокоимся...

Кто – мы? Этого я спрашивать не стал. Может, и не бы-
ло никаких мы. Другие поглядывали на меня из-под лбов,
но больше с интересом, чем с беспокойством. Беспокоился
один Шустрик. Просто боялся показаться в моих глазах слез-
ливой размазнёй, поэтому и распределил ответственность.
Всё верно. В Аквариуме не стоит давать слабину – затоп-
чут. Шустрик – друг Сайлока. Это точно. Теперь и мой друг.
Понятно, что он переживал. А как реагировать, когда твой
друг-тихоня отмачивает такие кренделя?

К счастью, я совершенно не беспокоился о мнении дру-
гих. Разве что с Вадосом нужно будет объясниться. Но это
мелочи. Он парень неглупый, поймёт. Гораздо важнее ре-
зультат.

А результат был. Не зря я перенёс удар с ноги в голову,
не зря...

*Вторичная характеристика «сопротивление урону» по-
вышена до 2.*

*Общий объём материи увеличен до 0,26 относительной
единицы.*

Глава 4

Медный

Общий объём материи повышался не только на две сотых. Это радовало. За повышение вторичных характеристик физического развития и сопротивления урону объём увеличился на одну десятую. В пять раз больше, чем за повышение до первого уровня. Напрашивался вывод: чем выше уровень каждой вторичной характеристики, тем больше прибавка к материи. Нужно поднять какую-нибудь характеристику до тройки и посмотреть, что станет с объёмом.

Пока я не понимал, что даёт объём материи, но что-то подсказывало, что он – главный показатель. Нарращивая материю, ты будто расширяешь кругозор или раздвигаешь границы. Я хотел в это верить. Зато, к слову, вторичные характеристики давали отклик здесь и сейчас. Я стал выносливее, устойчивее к ударам и получил простецкие навыки рукопашного боя.

Про послеобеденную тренировку я не шутил. Провалился в кровати весь вечер, ночь и половину дня. Нужно навёрстывать упущенное. Шустрик пошёл со мной. В глазах у него не было желания. К тому же он ступал на носки очень неуверенно: после вчерашнего болели ноги. Но со мной пошёл ради собственного успокоения. Боялся, как бы я совсем не до-

конал себя.

Уж не знаю, насколько хреново я выглядел со стороны, но внутри чувствовал себя отлично. Обед прибавил сил. Материя не использовала всю энергию пищи. Оставила немного и мне. Спасибо.

Вадос с Деном заканчивали тренировку. Пацаны в Аквариуме встали с кроватей, некоторые подтянулись к коврику. Ждали зрелища. Честно сказать, я и сам думал, что придётся сцепиться языком, а может, и кулаками за место на спортивной площадке. Оказался приятно удивлен. Вадос не только не заявил права на ковёр, но и кивнул в знак приветствия. Кажется, он понимал. Понимал, что моё вызывающее поведение – это отчаянные попытки выжать из ситуации максимум, а не закидоны малолетки, который хочет привлечь к себе внимание.

Просить о поединке я не стал, хотя мог. Сил с достатком хватило бы на пару раундов, но я ограничился тренировкой. Подтягивания, отжимания, пресс, гантели, штанга. Изводил себя. Делал повторы, пока не отвалились руки. Пыхтел, рычал и кряхтел, но толкал, давил и поднимал. Три с половиной часа пролетели, как десять минут. Я так сильно хотел почувствовать тепло в груди и увидеть заветную надпись, что не заметил, как подошёл ужин. Вторичную характеристику физического развития так и не удалось повысить до третьего уровня. Жаль. Но зато я видел прогресс. Это главное. Смежные связи материи стали толще. Увеличились в размере, буд-

то клетки перед делением. Переход на третий уровень близко, но не сегодня.

Вечером был и душ и ужин. Я лёг в кровать, понимая, что времени остаётся чуть больше трёх дней. Следующие сутки станут тяжёлыми. Очень тяжёлыми. Я планировал совмещать спарринги с кардио, а вечером залить этот коктейль ударной дозой физиухи.

– Сайлок!

– А?! – Я открыл глаза и увидел шесть голов.

Пацаны стояли вокруг кровати. Кулаки сжались под одеялом. Удивительно, но я не боялся. Разве что самую малость. Думал, что нужно беречь голову, а тело... Тело всё стерпит. Планировал провести спарринг утром, но если пацаны хотят сейчас – пожалуйста!

– Мы тоже хотим тренироваться!

– Чего?!

– Кажется, ты разбираешься в упражнениях. Поможешь нам составить программу, или как там это работает? Мы сначала думали, что у тебя окончательно крыша поехала, но посмотрев на бой с Вадосом, решили тоже попробовать.

– Без проблем! – улыбнулся я и спрятался под одеялом с головой. – Увидимся на площадке после завтрака.

Заснул я с тёплым чувством внутри. Нет, не из-за материи. Та дрыхла ещё с ужина. Мне понравилось услышанное. Пацаны хотели заниматься и совершенствоваться – это хорошо. Значит, не всё потеряно с ними. Плюс командные тре-

нировки объединяют людей. Аквариуму это точно не помешает.

Позавтракав, я переоделся в спортивную одежду, Шустрик тоже. На лице у него плясала заговорщицкая улыбка. Когда я спросил, чего он такой довольный, пацан кивнул на площадку.

Борцовский ковёр, турники, тренажёры и стойки с железом больше не выглядели заброшенным и ненужным хламом. Шесть голов крутились рядом с беговыми дорожками. Но ни одна так и не осмелилась нажать кнопку старта. Ждали меня? Блин, кажется, да!

В спортивный уголок подтягивались Вадос с Деном. Прибавить меня с Шустриком, получится ровно десятка. Не так уж и много для помещения размером с половину школьного спортзала. Но если сравнивать с пустотой, которая была там три дня назад, можно считать, что площадка забита под завязку.

Разумеется, никаких программ писать я не собирался. О чём речь вообще?! Я, конечно, занимался раньше, но вряд ли в зале на меня кто-то обращал внимание. Там было столько квадратных парней с кубиками пресса... Спасибо, что меня к штанге подпускали. Расскажи я, что стал инструктором для шестерых пацанов, подняли бы на смех. К сожалению, другого не было. Мужик с надписью «Тренер» на спине приходил только чтобы повесить новую бумажку с расписанием боёв.

Объяснив по-быстрому пацанам, что такое круговая тренировка, я вскочил на дорожку. Ничего сложного. Один на гантелях, второй на штанге, третий на турнике. Сделали подходы, поменялись. Работает хорошо. В одиночку мог бы филонить, пропускать подходы. В группе – давит морально. Плюс конкуренция. Никому не хочется выглядеть отстающим.

Разогревшись, я подошёл к Вадосу. Стал объясняться за поведение, но тот похлопал меня по плечу и понимающе кивнул. Что ни говори, к пацану, которого в конце недели ждёт встреча с Томагавком, относятся иначе. Встали в спарринг. Вокруг по традиции собралась толпа. Думается, я разочаровал зрителей. Шоу не было. По крайней мере, не было треш-тока и злобных взглядов.

Закрылся в обороне. Но не такой глухой обороне, как в прошлый раз. Задача – поднять вторичную характеристику рукопашного боя, а для этого придётся поработать самому.

С ноги прилетало больно даже через блок. Я терял равновесие. От ударов кулаками закрыться проще, к тому же теперь я неплохо управлялся с телом. Больше половины усилий Вадоса улетали в пустоту. В прямом смысле. Зачем мне сбивать руки в блоках и тратить свою энергию, если можно отклониться, присесть, отпрыгнуть. Поэтому Вадос и перешёл на ноги. От размашистого удара не увернуться, особенно, если оппонент прижал тебя к краю ковра.

Моё время наступило, когда Вадос разленился. Его можно

понять. Он хотел обучаться и сражаться в Серебряной лиге. Ему от избиения салаги на ковре ни холодно ни жарко. По большому счёту, он терял со мной время. Вот в тот самый миг, когда он загрустил и отвлёкся, я схватил его за ногу. Дальше – подсечка по единственной стоячей, падаю сверху и угощаю двоечкой – челюсть, нос.

Бум! Это взорвались зрители. Гадкий утёнок Сайлок дал сдачи матёрому волку Вадосу! Да как дал! Дену редко удалось пустить партнёру по площадке кровь, а я не только разбил губу и нос, но и отправил парня в нокдаун боковым в челюсть.

Вадос проснулся. Он не собирался отдавать свой ковёр. Попёр снова. Я выстоял две продолжительные серии и пробил по корпусу. Вадос улыбается. Ну-ну. Знаю я такие улыбки! Делает вид, что играет, на самом деле – прикрывает мимикой тянущую боль в боку. Ломанулся ещё раз. А вот так?! Контратака вместо привычной защиты, и Вадос падает на ковёр.

От восхищённого крика болельщиков по спине бегут мурашки. Чёрт бы меня побрал, да я новая звезда Аквариума! Был новой звездой... Минуту... Ну, может, не целую минуту, но тридцать секунд – точно!

Из положения лёжа Вадос выпрыгнул на обе ноги. Ушёл от бокового и врезался в клинч. Не понял? Как это мои руки так узлом завязались? Бросок! Хреначусь позвоночником о ковёр и ловлю ответный в нос. Красенькая брызнула на

верхнюю губу. Свет в зале стал немного приглушённым.

– В порядке?!

В себя я пришёл спустя минуту. Не полностью, но соображал, что лежу на ковре в спортзале Аквариума, а не рассматриваю незнакомый потолок под надоедливый звон в ушах.

– Кажется, ты опять ему голову отбил, Вадос! – сказал Ден. – Вся морда в крови, а он лыбится!

Вторичная характеристика «рукопашный бой» повышена до 2.

Общий объём материи увеличен до 0,36 относительной единицы.

Уж не знаю, подействовала ли моя улыбка на парней, или они воодушевились увиденным в драке, но к коврику едва ли не выстроилась очередь. Все хотели попробовать свои силы. Ковёр отличался от ринга. Парням представлялась возможность не только быть битыми, но и бить самим. Синяков и разбитых носов они не боялись.

Переносить такие мелочи умели много лучше других.

Пожав Вадосу руку, я побежал к железу. Каждый час на счету. Каждый час...

Десятый жим доделал, содрогаясь всем телом, будто в приступе эпилепсии. На висках и шее выступили вены. Голова превратилась в напряжённый красный шар. Нужно ещё раз! Да куда ещё раз?! Рухнет на тебя эта штанга и придавит! Нужно ещё раз!

Человеческие возможности или ограничения – очень

странная штука. В обычный день с таким весом я сделал бы пять повторений и закончил тренировку из-за полного опустошения и забитых рук. Когда понадобилось – сделал десять. Отдал все силы. Но и это ещё не предел. Энергия таилась в груди и плечах. Немалые запасы остались в ногах, тазу, шее и челюсти. Нужно лишь поискать. Поскрести по сусекам и направить. Направить туда, где она больше всего нужна. Сгибаю руки и дрожу, будто на электрическом стуле. Хочется сдаться, попросить помощи. Помощь придёт, если попросить. Сейчас придёт, но не на ринге. Там просить будет не у кого. Там будут бешеный Томагавк и град ударов, которые и близко не сравнятся с ударами Вадоса. Жми! Жми!

Вторичная характеристика «физическое развитие» повышена до 3.

Общий объём материи увеличен до 0,66 относительной единицы.

Вот теперь можно сделать перерыв. Хотя он нужен был не столько мне, столько материи. Не сказать, что она сильно увеличилась, но если была в один ноготь, то стала полтора. Связей становилось всё больше. Палочки, мостики и звенья цеплялись друг за друга, укрепляя общую конструкцию. Я почувствовал резкую слабость и недомогание. Материя просила еды. Чем больше, тем лучше. Придётся ждать обеда и только потом возвращаться к тренировкам.

Усевшись на лавочке, я наблюдал за поединками на ковре. Пацаны довольно неумело дубасили друг друга, злились,

нервничали, радовались, ругались, улыбались. Иногда Вадос подсказывал им, как лучше ставить блок или держать стойку.

На площадке появился Медный, за его спиной – трое плотняков. Медный и его свита были чуть старше. Кто-то на год, кто-то на два. Они были крепче сложены и выше. Разница в силе и массе в подростковом возрасте ощущается особенно сильно. Медный и его плюс три казались старшеклассниками, которые пришли, чтобы посмотреть, чем занимаются младшие. А может, и не только посмотреть... Поржать, побыковать, помешать...

– Завязывайте!

– Что завязывать? – спросил близстоящий пацан, выковыривая из носа кровавую козявку.

– Всю эту хрень завязывайте! – Медный очертил в воздухе круг. – Вы чего тут устроили?! Голова болит от ваших криков!

– Ещё пара боёв, и пойдём на обед, – пацан-таки выковырял засохшую кровь.

– Ты дурак, что ли?!

Медный схватил пацана за горло и ударил в живот. Со стонами тот опустился на пол.

– Ещё раз повторяю! Прекратили заниматься хернёй и разбежались по кроватям!

– Но мы...

В руке у Медного блеснул кастет. Взмах. Удар. На ковёр без сознания падает ещё один подросток. На месте левой

брови сантиметровое рассечение. Кровь хлещет, будто из-под крана.

– Сдрыгнули!

Останавливается драка. Пацаны кладут гири на место. Выключается беговая дорожка. И всё же пацаны не уходят. Сбиваются в кучу, кто-то помогает парню с рассечением. Топчутся на месте, будто не могут решить, что делать дальше. По очереди головы поворачиваются ко мне...

И чего этому мудаку спокойно не живётся?! Мне эти разборки в помине не нужны. Простите, но если я сейчас не позабочусь о себе, то ударом в живот и рассечённой бровью не отделаюсь. Чего они так смотрят?! Некогда мне! Мне тренироваться нужно!

– Сколько раз повторять?! – Медный сжал кулак и двинул на парней. – Занимайтесь, когда мы едим, ходим в душ или дерёмся на ринге! В остальное время в Аквариуме должна быть тишина!

Так, стоп! Такие расклады меня не устраивают! Железо, турники и беговая дорожка нужны мне не меньше, чем еда. Придётся вмешаться. Встаю под взглядами пацанов, но тут же падаю обратно. Тренировки и спарринги забрали все силы, а материя высосала остатки. Я сейчас не то чтобы ребят защитить – ходить мог с трудом. Взгляды сверлили меня наживую. Твою мать, я подарил им надежду, а как запахло жареным – отсиживаюсь в сторонке. Набрал побольше воздуха, собираясь вмешаться хотя бы в разговор, но меня опередил

Вадос.

– Нет, Медный, так не пойдёт!

– Что ты там тьякнул?!

– Мы будем тренироваться!

– Ты чего, дружок?! Бойцом Серебряной лиги себя возомнил?! Я скорее поверю, что наш Тренер бросит бухать, чем в твоё повышение! Не смейся! Захлопни варежку и вали баиньки!

– Нет! – Вадос поднял сжатые кулаки.

– Ну, давай-давай! – Медный улыбнулся, передал одному из своих пацанов кастет и зашёл на ковёр. – Покажи, что ты можешь!

Начало выглядело куда лучше, чем я ожидал. Вадос был младше, легче, ниже. Но не просто так проводил часы на ковре. Уклоняясь от мощных, но медленных ударов, саданул Медного в ухо и «пробил колесо» – точечный удар в мышцу бедра, от которого немеет нога. Крутанул вертушку. Промазал и пошёл в клинч, чтобы взять Медного на болевой, но неожиданно вскрикнул и упал на ковёр.

Увидев в руке у Медного окровавленное лезвие, я вскочил с лавки и тут же рухнул на колени. Пацаны охнули и отстранились. К Вадосу подбежал Ден и оттащил к краю ковра. Крови было много: Ден испачкался по самые локти в считанные секунды. Он размахивал руками, требуя, чтобы кто-нибудь принёс полотенце.

– Тот, кто посчитает, что может тренироваться без моего

разрешения, будет следующим! – Медный показал лезвием в Вадоса и, прежде чем уйти, пару секунд смотрел мне в глаза. – Хочешь что-то сказать, сопляк?!

Я помотал головой...

Мотивы Медного были хоть и странными, но понятными. Он был сильнейшим в Аквариуме и не хотел переставать им быть. Слишком много пацанов схватились за гантели и штанги. Гляди, нарушат баланс сил, а оно ему надо?

Природа одарила Медного сильным телом и крепкими руками. Этого хватало, чтобы выстоять два-три раунда. Повезёт – выстоит больше, нет – так нет. Сам он не тренировался, значит и другие должны были отлёживаться на кроватях. В основном пацаны переживали из-за покушения на свободу. Они были достаточно дерзкими и смелыми, иначе не оказались бы в Аквариуме. Им не нравилось, что им указывают. Ещё и разрешения спрашивать... Моя ситуация – в корне другая. Железо, ковёр и дорожка – единственный шанс на спасение. Хочешь не хочешь, мне нужно было что-то придумать.

Медный ранил Вадоса в бок. Парню повезло, что лезвие не порвало печёнку или селезёнку. Обошлось дыркой в тканях и потерей крови. Тренеру ничего не сказали. Врача не попросили. Хотя могли. На этот счёт в Аквариуме действовали свои правила. Если можно уладить всё по-тихому, то так и нужно сделать.

Отобедали. Ногам и рукам вернулись силы. А толку? Ак-

вариум вновь превратился в больничную палату. Пациенты лежали по койкам и мечтательно смотрели в окно. Медный и его шестёрки болтали и ржали громче обычного. Победа сказывалась на настроении.

– Успокойся...

– А?! – Я аж вздрогнул от неожиданного касания.

– Не наддай глупостей, говорю! – Шустрик похлопал меня по плечу. – Хватит на них пялиться.

– Нас больше. – Я отвёл взгляд от Медного и посмотрел на Шустрика. – В два раза...

– Даже не думай, – покачал он головой. – Никто не станет бунтовать из-за спортивной площадки. Да и не бойцы мы. Мы привыкли держать удар. Физический или моральный...

Грохнувшись на кровать, я снова посмотрел на турники и ковёр. Если догнать рукопашный бой и сопротивление урону до третьего уровня, то общий объём материи перевалит за единицу. Единица больше, чем ноль... Я хотел эту единицу. Не знал зачем, но хотел...

– Вот, держи! – прошептал Шустрик и сунул что-то под одеяло. – Вдохни эту штуку и успокоишься.

– Что?

– Трава для чистки мозгов. – Шустрик оглянулся и убедился, что никто не подслушивает.

– Наркотик?

– Наоборот! Гербуха прочищает мозги. Выгоняет весь негатив и лишние эмоции. Помогает трезво взглянуть на си-

туацию. Она, между прочим, больших денег стоит!

Гербуха. Я уже и забыл о том разговоре и этом странном слове... Та самая гербуха, которая связывала меня с Шустриком обязательствами или обещаниями. Я сжал целлофановый пакетик рукой и сунул глубже под одеяло. Одна из шестёрок Медного время от времени косилась.

– Ты так и не рассказал о нашей договорённости.

– Потому что её больше нет. – Шустрик сдвинул козырёк набок.

– Почему?

– Ты торчишь Дублю десять тысяч. Тренер хоть и бухает, но мозгов хватит не выпускать тебя в город.

– Ничего не понял... Какой ещё город?

– Задрал ты со своей амнезией! – ругнулся Шустрик и подсел поближе. – Короче, гербуха...

Гербуха – это подобранная смесь растений, которая на время очищает голову. Что-то вроде комнаты для релаксации или медитации, только без усилий и со стопроцентным эффектом. Понюхал – и полтора часа чист от навязчивых мыслей, тревоги, панических атак, прочего внутреннего мусора. Гербуха – это не самое удачное сокращение от гербария. Очень популярный продукт в... Да везде. Со слов Шустрика, ею увлекаются все – от детей до стариков. В то же время вещь редкая и дорогая – двадцать кредитов за пакет. Недешёвое удовольствие за примирение с самим собой. А дорогая, потому что мало кто умеет её готовить. Я хотел

узнать подробнее, но Шустрик об этом знал меньше всего.

– Откуда мне знать? – развёл он руками. – Я что, алхимик? Что-то, видать, у них не сходится. Пропорции неверные, порядок составления... Может, рецепт слишком сложный или навыки специальные нужны... Знаю только, что варщиков немного, и ценятся они очень сильно. Каждое братство и каждый клан мечтают заполучить себе варщика.

Клан, братство, варщики... Набор ничего незначащих слов я пропустил. Дошли до нашего с Шустриком уговора и ответа на вопрос – откуда у него гербуха. Оказалось, что наш пьяница Тренер замутил небольшой бизнес и втянул в него парочку пацанов из Аквариума. Бизнес не шибко умный. Впрочем, неудивительно. Вспоминая мутные глаза Тренера, я вообще удивился, как он хоть до чего-то додумался... Тренер покупал гербуху, пацаны продавали дороже. Причём покупал он не оптом. В розницу. Только у кланов или братства... Только у крутых чуваков был выход на оптовые покупки. Тренер покупал в розницу и продавал в розницу, а цену поднимал, потому что пацаны из Аквариума продавали гербуху в неблагополучном районе...

– На пересечении Чёрной и Подколотой, – назвал место Шустрик. – Место беспокойное, но я привык... Да и ты вроде справлялся...

Во как! Значит, тихоня Сайлок тоже участвовал в этом? Вот что за уговоры у него были с Шустриком и Тренером. Теперь понятно, почему Тренер так жалобно смотрел на Сай-

лока, когда на того повесили долг в десять тысяч. Либо жалел меня, потому что сблизились, либо жалел, что теряет обученного работника.

Платил Тренер гербухой. Продаёшь пять пакетов по тридцать кредитов за штуку – получаешь один пакет себе. Что с ним делать – решай сам. Хочешь – нюхай, хочешь – продавай. Прежде чем Шустрик узнал о долге, хотел поговорить со мной про следующий поход, но позже понял – меня из Аквариума Тренер больше не выпустит. Дураку понятно, что пацан с долгом в десять тысяч может сбежать. Сбежал бы я? Вероятно. Возможно. Не знаю... Впрочем, помимо этих проблем у меня были и другие, но не об этом сейчас... Зато я успокоился по поводу невыспавшегося Шустрика. Боялся, что его прессуют по ночам, оказалось – тот по своей воле ходит в город и продаёт гербуху.

– Это подарок. – Шустрик показал взглядом в место, куда сунул пакет. – Сейчас тебе эта штука нужна больше, чем мне.

– Спасибо, дружище. – Спрятав гербуху в карман, я встал и пошёл в туалет.

Закрылся в кабинке и достал пакетик. Внутри трава. Похоже на чай с кусочками фруктов, лепестков, корней. Задержал взгляд, и случилось то, что случалось всегда... Смесь разложилась на составляющие. Но разложилась иначе. Не так как раньше... Круче! В тысячу раз круче!

Прежде – в том мире – я видел только проекцию материи. Из-за этого работа с зельями, травами и ингредиента-

ми представлялась игрой воображения. Ингредиенты подсвечивались, а знания материи подсказывали, в каком порядке смешать, чего добавить больше, какая составляющая может снизить влияние элемента, с которым я переборщил. Неплохо? Не то слово «неплохо» – это было потрясающе. Однако... В этом мире способности поднимались на следующий уровень.

Я больше не был слепым котёнком или обезьянкой, которую обучили нескольким фокусам. Теперь я видел объект, с которым работаю, и понимал, как этот объект влияет на мир, на человека, окружение, предметы. К примеру, гербуха состояла из девяти компонентов. Четыре голубых элемента влияли на нервную систему и образовывали костяк рецепта – успокоение. Три бирюзовых отправляли сигнал в мозг, чтобы расслабить тело. Оставшиеся два серых – отвечали за благоприятное влияние рецепта на организм.

Странно, но я знал названия ингредиентов. Правда, не всех. Один голубой назывался «нахчад», а серый – «тцин». Я и слов-то раньше таких не знал, а сейчас они твёрдо ассоциировались с сушёной травой у меня в руке. Почему не знаю остальные? Непонятно...

Шустрик дал мне гербуху, чтобы я расслабился. Отлично. Расслабиться не помешает. Будущий поединок с Томагавком конкретно расшатывал психику и нервы. Но применить гербуху – значит согласиться на полтора часа свободы, а потом снова окунуться в своё же дерьмо с головой. Нет, спасибо.

Когда разглядывал связи элементов, у меня появилась идея. Небольшая зацепка, которая могла бы... Я заглянул внутрь. Увиденное усилило надежду...

Вторичная характеристика «алхимия» повышена до 1.

Общий объём материи увеличен до 0,68 относительной единицы.

Глава 5

Город

Внимательно рассмотрев гербуху, я изучил ещё одну вторичную характеристику. Замечательно. Но ещё лучше, что материя выделяет алхимию как отдельную ветвь развития. Все предыдущие улучшали физические способности: рукопашный бой, физическое развитие, сопротивление урону. Оказывается, есть и другие. Пару лет я занимался смешиванием ингредиентов. Ничего в этом не понимал, но делал. Сейчас же материя позволяла изучить алхимию. Познать и углубиться.

С получением навыка я узнал название ещё одного голубого компонента в составе гербухи. Вот от чего зависят знания. Больше характеристика – больше знаешь. Я пригляделся повнимательнее и увидел несовершенство препарата.

Неправильно подобраны пропорции. Слишком много бирюзовых компонентов. Гербуха предназначалась для внутреннего успокоения, но конкретно моя доза очень сильно влияла на расслабление тела, отчего притуплялся главный эффект. Я изъясил три бирюзовых корешка. Два сунул в карман, а третий растёр и смешал с серой частью. Гербуха стала лучше. Я не пробовал, но знал. Снизился одурманивающий эффект, усилилось очищение, а применение стало приятнее.

Никаких соплей и жжения в носу.

Бирюзовые корешки я не выкидывал. Ингредиенты – вещь редкая и дорогая. Настоящие ингредиенты. Укроп, ореховая скорлупа, перец – это не ингредиенты. Это прибавки или по-простому – специи. Некоторые из них можно использовать. Иногда без них не обойтись. Но костяк рецепта составляют настоящие ингредиенты. В гербухе это нахчад – жмых неизвестной мне ягоды.

Гербуха стала лучше. Правда мне от этого не легче. Для того чтобы переделать траву во что-то подходящее, понадобятся другие ингредиенты. Причем я не знал какие. Только посмотрев на них, я мог понять, подходят они мне или нет. В этом направлении и нужно работать. Времени мало.

Сунув пакетик в карман, я открыл защёлку и вышел из кабинки. Дорогу преградили Медный и его молодцы...

– Смыть не учили?!

– Что?! – Я вытащил руки из карманов и попятился к стене.

– Смыть не учили, спрашиваю?!

– А ты что, сортирный патруль?

– За языком следи!

– А то что?! – огрызнулся я. – Лишишь меня права подтирания задницы или отстранишь от участия в туалетном движении?

– Что ты там делал, Сайлок?! – Медный наступал. Следом, будто цепные псы, приближались пацаны.

– Зайди и посмотри! – Я показал взглядом на кабинку.

Медный мотнул головой. Пацаны вышли из-за спины. Я прицелился в челюсть, но меня скрутили прежде. Козлы прижали к стене, вывернули кисти. Главарь схватил за волосы и задрал голову.

– Не нужно шутить со мной, придурок! – В правой руке блеснуло лезвие. Острый металл коснулся щеки.

– Отвали!

– Обыщи его!

Руки пошарили по карманам. Пацан передал пакетик с гербухой Медному.

– Так вот оно что! – Медный посмотрел содержимое на свет. – В одну рожу решил оттянуться?!

– Тебе какая разница?! – Я повёл плечами, но не сдвинулся и на пару сантиметров. Держали крепко. – Положи, где взял!

– Да не ори, ты!

Прилетело под дых. Я скрутился и попробовал прокашляться. Не получилось. Внутри всё замерло и одеревенело. Вместо вдохов – рывки и спазмы.

– Гербуху за крысятничество мы забираем! – провозгласил Медный, улыбаясь. – Увижу ещё раз – будешь валяться с дыркой в боку!

Из туалета я вернулся последним. Не хотел, чтобы пацаны видели одышку и злость. Хотя прогулка в туалет банды Медного не осталась незамеченной. Меня проводили взглядами

до кровати. Кто-то облегчённо вздохнул.

– Что за херня?! – спросил Шустрик, выпучив глаза. – Ты в порядке?

– Да. – Я сел на кровать. – У тебя есть ещё гербуха?

– Нет, конечно! А та где?! – Шустрик скосился на кровать Медного. – Забрали?!

Скрипнула койка. Я лёг и закрыл глаза. По привычке разум скользнул к материи, но я остановился на полпути. Нужно подумать. До боя с Томагавком пара дней, а у меня нет ни спортивной площадки, ни ингредиентов. Удар под дых оказался болезненнее, чем я ожидал. Я был готов к нему и всё равно скрючился. И это со вторым уровнем сопротивления урону. Что же будет на ринге? Плевать на остальные характеристики, но сопротивление нужно поднимать, иначе...

– Мне нужно выйти в город.

– Не надейся! – Шустрик пожал плечами. – Тренер не выпустит.

– Устрой нам встречу! – Я сел на кровати и посмотрел Шустрику в глаза. – Прости, что прошу. Но моя жизнь висит на волоске, и с каждым часом он становится тоньше.

– Можешь даже не начинать, Сайлок! – В каморке Тренера пахло куревом и бухлом. На стенах висели плакаты подпольных бойцов. Перебинтованные руки, разбитые лица, блестящие от пота тела. На подоконнике стоял старый кубок за второе место в сезонном чемпионате Серебряной лиги.

Помимо запахов вредных привычек был и другой. Запах

специй. Тот, что ярче других выделялся в составе гербухи. Не изучи я рецепт – не почувствовал бы его. Тцин. Понятно. Здесь Тренер хранил гербуху на продажу.

– У меня есть предложение!

– Какое у тебя может быть предложение?! – Тренер хмыкнул, обдав меня перегаром. – Ты торчишь десять тысяч, пацан! Тебе не хватит жизни, чтобы рассчитаться с этим долгом!

– До поединка с Томагавком два дня. Я дважды выйду в город и продам как можно больше гербухи. Сотню из заработанных отдам вам, а вы сделаете ставку, что я выстою первый раунд против Томагавка. Выигрыш заберете себе.

– Что за дерьмовый план?! Ты не выстоишь и тридцати секунд! Не смейся! Даже Медный не выстоит целый раунд против Томагавка!

– Вы ничем не рискуете! На кону будут стоять мои деньги и моя жизнь! Кому, если не мне, интересно продержаться две минуты?

– Что означает я ничем не рискую?! – Тренер сжал сбитые кулаки. – Ты за кого меня принимаешь?! Дураку понятно, что ты не вернёшься в Аквариум, если я тебя отпущу! Угадай, на кого ляжет твой долг?!

– Я вернусь.

– Прости, пацан, но это всего лишь слова. Я и сам бы не вернулся на твоём месте, так что...

– Я поручусь за него!

Мы с Тренером повернули головы к двери. Шустрик смотрел на Тренера, уперев руки в бока. Пацан выглядел уверенно. Мне услышанное не понравилось, я открыл рот, но Тренер опередил:

– Возьмёшь на себя долг, если он не вернётся?

– Да! – не задумываясь ответил Шустрик.

– Это другой разговор...

Мне чертовски не хотелось подставлять Шустрика. Если быть честным, то... Думаю, я и в правду не вернулся бы в Аквариум. Рассчитывал, что Тренер поведётся и отпустит, а теперь... Теперь от моего поведения зависит жизнь парня. Чёрт! Стоило ли вообще в это ввязываться?

– Много людей живёт в городе? – спросил я у Шустрика после ужина.

Мы находились в городе. Об этом я знал и без подсказок. Рецепты, которые я готовил для них, содержали координаты погружения. Каждый раз я отправлял людей в примерно одно и то же место. Своё зелье сделал по тому же подобию. Но координаты погружения слегка изменил, оставив в допустимых пределах.

– Не знаю. – Шустрик пожал плечами. – Много, наверное.

– А где можно узнать?

– Что?

– Население?

– В сети.

Разумеется, чхать я хотел на численность населения. От-

вета «много» хватило за глаза. Но я задал вопрос, потому что хотел узнать про источники информации. И услышал то, что хотел услышать. По одежде, девайсам и поведению пацанов и так было понятно – миры не просто схожи. Почти идентичны. По крайней мере, сейчас мы находились в одной эре. Говорили на одном языке. Для меня – на русском, для Шустрика – спрашивать не стал. Время утекало, будто вода сквозь пальцы. Главное, что в мире была сеть. Это говорило куда больше, чем кроссовки, выкидной нож и сигареты с фильтром.

– У тебя есть доступ в сеть?

– Нет. Зачем?!

– Как зачем?! Чтобы что-то узнать!

– Для этого есть терминалы!

– Точно, – я кивнул. – Терминалы же...

Информацию получал дозированно. Есть терминалы? Хорошо. Я сделал вид, что вспомнил. Не стоило доводить Шустрика до отчаяния. Он и без того психовал.

– Как ты собираешься продать больше пяти пакетов?

– А в чём проблема?

– В чём проблема?! Как думаешь, почему мы продаём гербуху дороже? Потому что продаём ночью и в опасном районе! Лишние деньги получаем за риск. – Шустрик опустил кепку на глаза. – Я думал, у тебя есть план!

– Считай, что у меня есть план. – Я похлопал его по плечу. – Лучше скажи, чего стоит опасаться?

– Боже, и зачем я за тебя поручился?..

Про выход пацанов в город знали все. Я думал, придётся прятаться или шифроваться. Нет. Тренер пришел к полуночи и махнул рукой. Он не боялся, что его сдадут. Незачем. Тренер не лез в дела пацанов, не навязывал тренировки и даже наоборот – помогал за умеренную плату.

Впервые я прошёл по коридору мимо столовой. Тренер остановился у железной двери с кодовым замком и заслонил кнопки телом. Модуль пискнул шесть раз. Дверь открылась.

– Утром постучишь, как договорились, – сказал Тренер и крепко сжал моё плечо. – И про друга не забывай! Если вытворишь что-то, он будет расплачиваться за тебя!

Пять дней без воздуха, и вот он... Не свежий и не бодрящий, но свободный. Как же задолбало сидеть в бетонных стенах!

Город встретил прохладой. Ночь – темнотой. Я оказался на глухой улочке. Впрочем, она выглядела глухой в сравнении с улицами знакомых городов-миллионников. Шустрик сказал, что здание Болотной лиги находится в центральном районе. Тогда почему на улицах так мало людей? Наступила ночь. Но разве это помеха для молодёжи?

В кармане у меня лежала начертанная от руки карта. Не совсем карта – фрагмент. Десять линий и ползущая стрелочка. Шустрик нарисовал, как добраться до нашего угла.

Фонари работали через один. Застегнув куртку, я сунул руки в карманы и побрёл по улице. В высотных домах горе-

ло слишком мало света. Прохожие – молчаливые пьяницы. За десять минут по раздолбанному асфальту не проехало ни одной машины.

Об убежище я побеспокоился заранее. Шустрик поделился со мной местом, где иногда отсиживался, когда на улицах становилось совсем туго. Последний подъезд заброшенного дома в одном квартале от нашего угла. Я нашёл его быстро. От вида полностью заброшенного семиэтажного дома в центре города стало не по себе. Пробежав четыре пролёта, я нашёл квартиру с красной дверью. В комнате с разбитым окном плюхнулся в кресло.

Что с этим городом не так? Он выглядел чуть лучше, чем город, переживший апокалипсис, но хуже, чем город в экономическом кризисе. Думается, находился где-то посредине. Ходить по улицам опасно. Мало-помалу становилось понятно, почему пацаны выбирали Аквариум вместо бродяжничества.

Прислушался. В доме тихо. Сгрёб с подоконника пластмассовые горшки и облупившуюся краску. Разложил пакеты с гербухой. Пятнадцать штук. Каждый из рецептов имел изъяны. Некоторые – очень крупные, некоторые поменьше. Варщик либо плохо сделал своё дело, либо смешивал компоненты большими порциями. При фасовке соотношение менялось. Гербуха работала, но была далека от идеала. Это я и собирался поправить.

Работа кропотливая, но интересная, а главное – шла на

пользу. Пакеты разделил на две группы. Первая упаковка с завышенным содержанием голубого компонента, вторая – с заниженным. Перебросив лишнее из одних в другие, уравнил костяк рецепта. Разницу в весе восполнил за счёт серого ингредиента. На последнем этапе нужно было раздробить все крупные комочки и тщательно перемешать. Шесть пакетов отправились в карман, когда я почувствовал тепло:

Вторичная характеристика «алхимия» повышена до 2.

Общий объём материи увеличен до 0,78 относительной единицы.

Связи вторичных характеристик алхимии имели особенно красивый цвет. Пурпурный. В общей структуре материи смотрелись диковинно, будто гирлянды на ёлке. Их было две. Нравились больше остальных.

Закончив с пакетами, я рассовал их по карманам и пошёл на точку. Моё место – рядом со светофором у автомата с газировкой. Нашёл его быстро и замер, поглядывая по сторонам.

Первый покупатель подошёл через сорок минут. Обычный работяга, не иначе. Дёрганный, красные глаза. Я сжал кулак в кармане и приготовился. Шустрик говорил, что опаснее всего те, кто просит в долг или скидку. Гербуха нужна для снятия напряжения. Ночью за ней ходят те, кому особенно приспичило. Нервные, злые, агрессивные. Пьяный и озлобленный мужик, которому пацан отказывает в скидке, может стать серьёзной проблемой.

– Мне одну. – Он вытащил из нагрудного кармана смятые купюры.

– Нет проблем. – Я отдал пакет.

Сделка состоялась. Второй покупатель нарисовался спустя полчаса. Плачущая девчонка с бутылкой вина. Она много ругалась и часто проливала мимо рта. Я отдал ей гербуху, предупредив, что эффект с алкоголем снизится. Обозвала меня умником и сунула кредиты.

Через двадцать минут подошёл пацан с выбитым глазом. Одетый во всё черное, он будто сливался с мраком города. Мой ровесник, не старше. Спросил, хороша ли гербуха, и, услышав ответ «лучшая», взял пакет.

– Привет, малой!

Крутанувшись на месте, я выскочил на дорогу и прикрылся руками. Как он оказался у меня за спиной?! Мужик лет тридцати пяти с уставшим лицом опирался о светофорный столб.

– Привет, – промычал я, опуская руки.

– Давно тебя не было.

– Ага. – Я мотнул головой и уставился ему в грудь.

В нём была материя. Структура размером с теннисный мяч. Если моя близилась к одной относительной единице, то его раза в четыре больше. Значит, четыре относительные единицы? Не обязательно. На то они и относительные. Структуры запросто могли отличаться друг от друга размерами.

– Дай одну! – Он протянул ладонь с зажатой под мизинцем купюрой.

Мы были с ним знакомы. Не друзья, но у Сайлока гербуху он покупал не в первый раз. Уставшие глаза и обвисшие плечи. Ничего удивительного. Каждый второй на этой улице выглядел каторжником. Как он подобрался ко мне так близко? Других покупателей я замечал, едва они показывались из-за поворота. Материя. Другого объяснения нет. Думается, у него прокачана вторичная характеристика скрытности или что-то такое.

– Не зависай тут надолго. – Мужчина взял пакет и сунул в карман джинсов. За поясом показалась рукоять пистолета.

Проводил его взглядом и подсчитал прибыль. Продал четыре пакета. Продам ещё один – получу первые заработанные кредиты. Карманы опустошались, но медленно. Самое горячее время осталось позади. Шустрик говорил, что с трёх до шести – глухо. Хорошо, если один или два пакета продашь, а можно и впустую простоять.

На бумажке в клеточку Шустрик изобразил схему. Пара-тройка линий с отметками Аквариума, убежища, точки у светофора и клуба. «Туда не ходи!» – сказал Шустрик. На самом краю карты – прямоугольник. Люди толпятся у клубов круглые сутки. По крайней мере, в моём мире так. Во фразе «туда не ходи!» не было «ни в коем случае» или «не думай соваться», верно? Ну, а что мне оставалось? Вернуться с десятью пакетами – значит признать своё поражение. Если я не

продам тридцать штук за две ночи, всё остальное потеряет смысл...

Прошёл два квартала и вышел на оживлённую улицу. Фонари работали почти все, в витринах магазинов отражались рекламные вывески. У клуба толпились люди, изнутри доносились обрывки музыки.

На обочине стояли три машины, возле каждой крутился человек, судя по всему – охранник. Люди непрерывным потоком входили и выходили. Кто-то чтобы подышать воздухом, кто-то – покурить, кто-то возвращался на танцпол. Контингент разный. Пацаны до двадцати в ярких футболках; девчонки им под стать; женщины постарше в роскошных нарядах; их спутники – мужчины со спокойным взглядом и уверенной походкой. У последних была материя. Не у всех, но у многих.

Шустрику вопросы про материя я не задавал, боясь показаться совсем оторванным. Хватало с него и потерянной памяти. Пацаны в Аквариуме ни разу не обмолвились о материи, значит, либо ничего не знали, либо обходили тему стороной. К тому же материя видели не все. Или вообще – никто. Почти за неделю я не получил ни одного вопроса. Что странно. В подростковом логове на пацана с отличиями смотрят по-особому. Но ко мне не было никаких претензий.

Оглядевшись по сторонам, я подыскал себе место на другой стороне улицы у входа в переулок. Прижался к стене пошарпанного дома и сунул руки в карманы. Зазывать поку-

пателей не пришлось. Уже через пять минут ко мне подошёл охранник одной из машин и взял пакет. Не отходя от кассы, высыпал содержимое на ладонь и вдохнул через трубочку. Зрачки чуть расширились. Впрочем, могло показаться. Внешне никаких признаков опьянения или дурмана я не увидел. Наоборот, он выпрямил спину и глубоко вздохнул. Топтаться у машины, пока твой босс развлекается в клубе – не самое бодрое занятие. Гербуха в считанные секунды выветрила усталость, избавила от навязчивых мыслей, скуки. Человек скинул груз обязательств, забыл про социальную пропасть между собой и боссом. Стал собой.

Пацана с розовыми волосами и рюкзаком я заметил сразу. Тот долго пялился, вызывающе поглядывал и часто плевался. Судя по всему, не я один поднимал кредиты на гербухе. Клуб был его территорией. Клиенты болтали с ним за сигаретой, смеялись.

Вот почему Шустрик сказал, чтобы я не ходил сюда. Районы города были поделены? Не обязательно. Тренер не походил на мужика, который являлся частью большого бизнеса. Бизнеса варщиков, как их называл Шустрик. Вряд ли. Думается, ребята из Аквариума не ходили к клубу, потому что боялись. Здесь крутились солидные клиенты, а значит, и большие кредиты. Поход мог стоить сломанной руки или выбитых зубов. Впрочем, меня это не пугало. Страшно было выходить против Томагавка, а остальное... Переживу как-нибудь.

Розовый встал напротив и показал пальцем, чтобы я убирался. Выглядел злым. Прости, дружище, но тут каждый сам за себя. Мне в любом случае придётся хреново. Я пожал плечами и улыбнулся второму охраннику, что шёл ко мне.

– Эй! – Розовый не выдержал и ломанулся к нему наперерез. – Ты чего?!

Охранник тормознул пацана злобным взглядом:

– Руки убрал!

– Ты решил у залётного товар брать?! – вскипел Розовый.

– Мужики говорят, у него отличная трава.

– Она у всех одинаковая! Что за чушь?! Я здесь торгую!

– Сколько?

– Тридцать, – я достал из кармана пакетик.

– Давай три!

– Что?! – Розовый сунулся между нами.

– Успокойся! – я отстранился и передал пакетики.

Охранник ушёл. Розовый прыгал вокруг и требовал, чтобы я свалил. У него не было материи, да и выглядел он хлюпеньким. Старше на пару лет, худой, слишком дёрганный. Трижды водил рукой у моего лица. Трижды я еле сдерживался, чтобы не заломить кисть и уложить крикливого засранца на асфальт.

– Да расслабься ты. У тебя целый клуб клиентов! – Я смотрел, как охранник принял один пакет гербухи, а другой передал вышедшему из клуба мужчине.

– Вали, если не хочешь проблем!

– Уйду через час.

Розовому кто-то махнул. Тот убежал к входу, а после ушёл в клуб. Помимо Розового были и другие торговцы. Барыги. Эти продавали наркотики. Мои клиенты – ухоженные и адекватные. Клиенты барыг – растащенные и шатающиеся. Наркотики продавались быстрее, больше пользовались спросом. Но я таким дерьмом заниматься не собирался.

– Вон он! – Охранник, что взял три пакета, показал в меня пальцем.

Мужчина, судя по всему, и был боссом. Кивнул охраннику, сунул что-то в руку. Через минуту, покупатель стоял рядом:

– Сколько у тебя есть?

– Семь.

– Давай все!

Возле клуба я не задержался. Сунул деньги в карман, осмотрелся и почесал к Аквариуму. Розового чувствовал спиной. Тот стоял на крыльце и провожал пристальным взглядом. Не к добру. Ещё одна ночь, и больше я здесь не появлюсь...

Интерлюдия

Бита сидел в вип-зоне и крутил в руках пакетик с гербухой. Широкие плечи, короткая стрижка, прямоугольная голова, чёрная рубашка. Бита походил на военного – матёрый

полковник или даже генерал. Бегунки называли его Прапором, но с армией Биту ничего не связывало.

Играла музыка, по столу скользили лучи стробоскопа. Перед Битой стоял Розовый и переминался с ноги на ногу.

– Ну чего там?

– Вот! – Розовый подскочил к столу и положил пакетик. –

Перекупил у охранника.

– Лучше, чем наша?

– Однозначно.

Бита открыл пакетик, попробовал и удивлённо скривился.

– Это его?

– Да, босс.

– Кто он такой?

– Пацан какой-то. – Розовый пожал плечами. – Не знаю...

– Ладно. Иди работай и Кумара позови!

Розовый скрылся. Через минуту вошёл Кумар.

– Вот, посмотри! – Бита толкнул пакетик по столу. – Что скажешь?

Понюхав содержимое, Кумар долго в него всматривался. Вторичная характеристика алхимии четвёртого уровня позволяла оценить общую чистоту рецепта. Но для Кумара гербуха не раскладывалась на составляющие в цветовой палитре, позволяя в реальном времени отслеживать влияние одних компонентов на другие. Кумар знал лишь одного варщика, способное на такое, но давно уже не слышал о нём.

– Почти идеально. – Кумар выпучил глаза и пожал плеча-

ми.

– Ага, – кивнул Бита. – Ты чего так вылупился?

– Оно почти идеально!

– И что?!

– Наш варщик не сделает такого.

– Кто-то из жидких?

– Нет, – Кумар покачал головой. – Кто-то новый...

– Новый?! – Бита привстал.

– Новый... И очень способный...

– Мы должны найти его первыми! – Бита вскочил из-за стола, разворачивая бокал. – Вызывай Патрика!

– Хорошо!

– Хотя нет, стой! – Бита поднял руку и прищурил глаза. – Нужно сделать по-тихому. Если с бегунком что-то случится, то варщик спрячется. Нужно по-другому...

– Может...?

– Тсс-с! Я думаю! – Бита прижал палец к губам. – Кажется, придумал. Позови ещё раз Розового!

Глава 6

Розовый

Во вторую ночь я пробыл на точке всего час. Первый покупатель – лысый мужик, второй – загадочный невидимка. На этот раз мужик со стволом вышел из стены. Выглядело именно так, хотя на деле... Каким-то непостижимым способом он спрятался в тени здания и подобрался очень близко. Я заметил его на середине дороги. Только что улица была пуста, а через секунду – на ней человек.

– Привет, Сайлок!

– Привет. – Я удивился, что он знает моё имя. И тут же пожалел, что не спросил о нём у Шустрика.

– Сделай мне как обычно! – На сей раз мужик выглядел не таким уставшим. Щетинистый рот растянулся в улыбке.

– Вот! – Я протянул пакет.

– Ты чего?! Я же сказал, как обычно!

– Прости! – Я добавил ещё один пакет.

Вместо ответа мужик склонил голову набок. Левая бровь поднялась на лоб.

– Три?! – Я добавил ещё один пакет.

– Ну конечно, три! Неужели у тебя так много постоянных клиентов?

– В последнее время прибавилось, – пробормотал я и взял

кредиты.

– Будь осторожен, малой!

– Ладно.

– Особенно сегодня...

Когда я заикнулся Шустрику про клуб, тот чуть не взбе-
сился. Я лишь сказал, что хотел бы туда сходить. Знаком-
ство с Розовым сохранил в тайне. Шустрик не смог толком
объяснить, почему нам закрыта дорога к клубу, но всячески
протестовал. Говорил, что это опасно. Так-то да. Всё опасно,
куда ни глянь. Кушать на ужин пирожное тоже опасно. Ка-
кая-нибудь химическая хрень доконает меня лет эдак через
шестьдесят! Нужно лишь действовать осторожно.

К клубу я пришёл с другого бока. В переулке на противо-
положной стороне собралась толпа. Десятка два людей об-
ступили какого-то парня и время от времени охали. Восхи-
щались.

Я не светился. Розовый бегал по левую сторону от клуба,
мостился к богатыньким. Справа курили простачки. Я стоял
в переулке и надеялся, что клиенты заметят меня и перейдут
дорогу. Прошло двадцать минут. Никто не повернулся. Лю-
ди выходили из клуба и прибывались к толпе. Охали вместе
со остальными.

Дождавшись, когда Розовый зайдёт в клуб, я перебежал
дорогу. Встал на носочки и разглядел парня. Лет двадцати
пяти, пьяный, он стоял с голым торсом и улыбался. Перед
ним стоял пацан из клуба, отсчитывал из кошелька кредиты.

Рядом с голым стоял его друг. В одной руке держал шмотки, в другой раскладной нож. Он был... ведущим?! Очень похоже на то. Отодвигал наползающих людей и перекрикивал шум толпы:

– Давай быстрее! Не видишь, у нас тут очередь собралась?!

– Вот! Пятьдесят! – Парень отсчитал кредиты и передал ведущему. – Что делать?

– Что хочешь! – Ведущий протянул нож. – Живот, грудь, бока, руки! Развлекайся!

Толпа притихла. Пацан истерично хохотал и поглядывал на друзей. Лезвие блестело в свете тусклого фонаря. Взмах руки – и на груди обнажённого светится сочный порез. Кожа разъехалась в стороны. Капли алой крови покатались по торсу. Толпа молчит. Что за херня происходит?!

Пацан с ножом трясётся и оглядывается на друзей, рот искривился в приступе. Проходит секунда, и края раны затягиваются... Я протёр глаза. Что за чёрт?! Будто кожа манекена, которую стягивают клеем. Она затягивается. На месте пореза остаётся белый шрам, а через десять секунд исчезает и он. Ведущий достаёт тряпку и протирает полоску крови. На месте глубокого пореза не остаётся ничего. Толпа взрывается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.